

Юлия Остапенко
Жажда снящих (сборник)

«Автор»

Остапенко Ю. В.

Жажда снящих (сборник) / Ю. В. Остапенко — «Автор»,

Все люди видят сны, но не все способны управлять своими сновидениями, и уж очень немногие – превращать сны в реальность... «Собака моего врага». Тонкое, злое повествование о преданности – и предательстве... Легендарный Баэлор. Мечта каждого истинного мага. Попасть туда очень просто: главное – идти по Линии... Но как же трудно найти дорогу на Баэлор!... «Ромашка». Рассказ, получивший первое место на конкурсе «Грелка»... И многое-многое другое – в первом сборнике повестей и рассказов Юлии Остапенко! В сборник вошли произведения: Матильда и чужой • Жажда снящих • Ромашка • Мраколюды • Полтубика жидкой удачи • Суицид не средство • Киберджейн • День бурундучка • Белые люди из Кайро • Матильда и чужой • Чертополох • Слишком Дорога в Баэлор • Я пришла • Рыцарь печального нейтралитета • Те, кто остается • Дорога в Баэлор • Боги реки • Стигматы • Погибель моя • Смола • Пепел • Цветы в ее волосах • Люблю тебя мертвой • Человек, который убил за улыбку • Собака моего врага

© Остапенко Ю. В.

© Автор

Содержание

Матильда и чужой	5
Жажда снящих	5
Ромашка	30
Мраколюд	36
Полтюбика жидкой удачи	39
Суицид не средство	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Матильда и чужой

Жажда снящих

Фантастику я очень люблю, в особенности – социальную, и именно поэтому до сих пор побаиваюсь её писать. Слишком большая ответственность. Фантастика ведь куда как ближе к нашим с вами реалиям, чем фэнтези, а уж социальная – особенно. Потому что когда мы читаем фэнтези, то, как бы ни были живы и близки нам герои, они всё-таки где-то далеко, в неведомой безумной стране, да и вообще неизвестно, была ли эта страна, не было... А фантастика – это мы, это наше с вами завтра. Или даже наше с вами сегодня.

Вас это не пугает, нет? Вам везёт.

Когда я наконец смогла уснуть, мне приснился лес. Лиственница, густой колючий подлесок, длинные гряды оврагов, заросших крапивой. В оврагах хорошо рыть норы. Грунт глинистый, податливый. Очень хорошо рыть норы. Я припадаю носом к земле и беру след. Я рою землю. В вышине шумят ветви. Сейчас день. Жужжат комары. Рядом болото. Я рою землю и перехватываю зубами шею полёвки. Её хребет хрустит у меня на челюстях. Я скидываю голову. Кровь полёвки брызжет на мою шерсть. Я замираю. Я слушаю лес. Виляя, мелким шагом крадусь по дну оврага. Тельце полёвки болтается в моих зубах. Я выбираюсь из оврага, кладу добычу на землю, рядом с зарослями ежевики. Снова рою землю. Под моими когтями трава, потом земля, потом глина, потом что-то твёрдое. Я фыркаю и тычусь мордой в это твёрдое. Оно блестит на солнце. Сейчас день. Это лес. Я снова рою. Жёлтое, без запаха. Странное. Оно появляется из-под комьев земли. Земля влажная. Я рою. Я слышу шум и скидываю голову. Осторожность. Я должна соблюдать осторожность.

Осторожность.

И то, что я говорю себе это, говорю то, чем просто должна быть, – это так нелепо и неестественно, что выдёргивает меня из сна.

Я открыла глаза и машинально трянула зажатым между пальцев фильтром. Скосила глаза на руку, безвольно откинутую на подлокотник кресла – хоть иглу втыкай. Взгляд дальше – ладонь мокрая. И сигарета между указательным и средним пальцем. Догорела почти до фильтра. Стало быть, спала я минут пять, а то и все десять.

Я разжимаю пальцы и слышу, как окуроч падает в пепельницу у ножки кресла. С мягким шорохом, на груды бычков. Я не должна этого слышать. Чёрт, я не должна этого здесь слышать. Слишком тихий звук для человеческого уха. Но не для лисьего, да.

Я снова закрываю глаза, медленно выдыхаю сквозь зубы, старательно, с присвистом (почувствуй, как лёгкие слипаются стенками, да, вот так), а перед глазами лес. Мои ноздри раздуваются, и это я тоже слышу. Я рою землю.

– Твою мать, – сказала я вслух. Язык и губы двигались с трудом, издавая звуки, от которых разум успел отвыкнуть. Пять, может быть, десять минут сна – и я уже не помню человеческой речи. Скверно. Я снова сказала: – Твою мать! – Уже громче. Внятнее. Да, так хорошо.

Вслепую нашарив на полу смятую пачку (пальцы сжались разом, царапнули ногтями ковролин – рою землю...), я вынула из неё сигарету, сунула в рот и сжала зубами, вспоминая, как хрустел на них позвоночник полёвки. Потом поползла до телефона и набрала номер Бориса. И пусть только этот урод попробует не оказаться на месте.

– Алло, да-да, я слушаю! – помехи на линии. Я почти вижу, как он одной рукой стягивает одеяло, а другой нашаривает очки, уголки губ у него закисли со сна. Я стискиваю сигарету зубами. Я её не зажгла, но сейчас мне это и не надо – только стискивать.

– Что это вы мне за хрень подсовываете снова, Борис Ефимович? – спрашиваю я без приветствия. Я всегда так с ним, а он хоть бы разок возмущился, что ли. Впрочем, никто ему не мешает жаловаться главному супервизору.

– Машенька? Это ты? Господи, что опять случилось?

Раз этак четыреста уже повторяла, что никакая я ему не Машенька, потом плюнула. Когда человек только за последний год трижды откачивает тебя от адреналинового шока, уже всё равно, как он тебя называет. Я бы даже была ему признательна, если бы только он сам не провоцировал у меня этот шок раз за разом. Вот и боится теперь, гад. Случись что со мной, ему ведь башку открутят. И куда как медленнее, чем это сделала бы я. А я не зверь. Я просто землю рою...

– Опять! – говорю я и ругаюсь матом, и луплю ребром ладони по микрофону. И жмурюсь. И выдыхаю сквозь стиснутые зубы. В трубке: «Машенька, что с тобой, Маша?» – Ничего, – говорю я, – ничего. Всё, прошло. Только что же за хрень вы мне на этот раз прислали, дражайший мой Борис Ефимович?

– Давление ты мерила? Пульс у тебя какой? Одышка есть? Сколько ты спала?

– Нормально я спала, – я проигнорировала все его вопросы, кроме последнего, потому что на самом деле только он один и имеет значение. – Минут семь, максимум. Так что это болтушка ваша, а не...

– Болтушка нормальная, не дури, – раздражённо сказал Борис Ефимович, совершенно успокоившись. Да я, в общем, и сама уже не очень понимала, зачем ему позвонила. Мне хотелось стискивать зубы. И рыть землю.

– Эхо сильное, – сказала я, зажмурившись. Мой голос звучал невнятно, то ли от сигареты, всё ещё зажатой в зубах, то ли от того, что я по-прежнему должна была фыркать, рычать и лаять, а не говорить. – Очень сильное, давно такого не было.

– Можешь себе вколоть антидот?

– Обойдусь. – Я уже совсем спокойна. Я даже прикуриваю наконец сигарету. Не с первого раза, но всё-таки. Дым заползает в лёгкие, и я вздыхаю, не разжимая губ. – Нет, правда, всё уже нормально.

– Ты уверена? Вколи, я тебе говорю. Хотя бы полкубика. Мне приехать?

– Да нет, не надо. К тому же я на супервизию опаздываю.

Сказала и поняла: мать твою, и впрямь ведь опаздываю! Ну, без меня-то не начнут, а всё равно дело дрянь. Младший и так на меня уже давненько зуб точит. А не пошёл бы он... Я бросила взгляд на часы. Как только это получилось?.. Но опоздала уже жутко. Совсем вылетело из головы.

– Спице, – говорю я в трубку, где всё ещё надывается Борис, и роняю её на рычаг. Метким, точным движением. Только пластмасса клацнула.

Прежде чем выйти из моей пустой тёмной квартиры, я отдёргиваю шторы. У самой двери останавливаюсь и пережидаю мучительный спазм сфинктера. Если я сейчас закрою глаза, лишица во мне рефлекторно пометит территорию перед уходом. А у меня нет времени переодеться. Иногда я думаю, что сказал бы Борис Ефимович, если бы знал о некоторых нюансах эха от этих снов. Да уж, расскажешь о таком. Антидотами заколют насмерть.

Закрыв входную дверь и нажав на кнопку вызова лифта, я вдруг почувствовала во рту горький привкус табака. И только тогда заметила, что прокусила сигарету.

Супервизии Снящих проходят раз в несколько недель, в одном и том же месте – это что-то вроде нашей штаб-квартиры, хотя на самом деле мы просто там иногда собираемся. Это

происходит в старом заброшенном здании на окраине спального района. Раньше там был офис какой-то захудалой конторы, потом здание назначили под снос, контора съехала, а дом отдали нам. На самом деле здание, конечно, аварийным не было – это наши постарались, оформили всё как надо. С трёх сторон дом окружен пустырьём, а от фасада тянется старая грунтовка, метров через пятьсот сворачивающая на шоссе, по которому мотаются маршрутки. Других зданий возле этого дома нет, и грунтовкой почти никто не пользуется. Я всегда иду по ней пешком, в любую погоду. Остальные подъезжают на машинах, а я хожу пешком. Как и Игнат. Но мы никогда не встречаемся по дороге.

Вообще-то в этом городе нас, Снящих, всего четверо. И все мы не высшего класса. А всего нас четверо, да. Я, Игнат, Младший и Тимур. Я единственная женщина в группе. Это редкость – женщин среди Снящих больше двух третей. В другой группе это обеспечивало бы мне положение дочери полка или хотя бы общей шлюхи, что, скажем прямо, бывает намного чаще, но только не у нас. Компашка не та собралась. Я вижу этих людей пару раз в сезон, почти всегда по ночам. И никто из них не зовёт меня Машенькой.

Сегодня я пришла последней. Кто-то всегда приходит последним, и это никогда ничего не значит, кроме тех случаев, когда «кем-то» оказываюсь я. Младший любит меня. Он хочет, чтобы я была дисциплинированной. И послушной. Мы все должны быть послушными. Мы одна большая дружная, мать её, семья.

Я думала об этом, поднимаясь по тёмной лестнице на шестой этаж. Я всегда думаю об это только здесь. Но здесь – непременно: на этой лестнице как-то не думается ни о чём другом. Руки у меня в карманах плаща, на языке – всё ещё горечь раздавленного табака. И скользкая спинка зажигалки глубоко в кармане, под сжатыми пальцами.

Больше никакого эха.

С этой мыслью я начинаю супервизию.

Никогда я не бывала на встречах анонимных алкоголиков, и, подозреваю, остальные тоже, но в кино всё выглядит именно так. Маленькая уютная комната, приглушённый свет, глубокие вязкие кресла, поставленные кругом. Только у Младшего на коленях ноутбук. Младший хмурится и постукивает стилусом по монитору. Что на нём, не видно никому, кроме самого Младшего. Он держит связь со старшим супервизором, который контролирует по меньшей мере десяток супервизий, происходящих в эту самую минуту по всей нашей необъятной родине. А потом, может, завтра, а может, через год, наш старший явится на супервизию с другими старшими, и кто-то из них будет постукивать стилусом по монитору, отчитываясь перед тем, кого никогда не видел... Думаю, даже Младший не знает, сколько нас, да ему, в общем, и не интересно. Не наше это дело – считать. Наше дело – спать.

– Если бы вы, Мария Владимировна, изволили отвечать на звонки, вам было бы известно, что сегодняшняя супервизия проходит под кодом один ноль один, а потому за опоздание будет налагаться дисциплинарное взыскание.

Это Младший. Он всегда так говорит. На самом деле ему за пятьдесят, он годится мне в отцы. Зовут его Вениамин Всеволодович. Пока он не открывает рот, можно подумать, что перед вами самый тихий, милый и добрый человек из всех, кого вы встречали в жизни. Когда я только вступила в группу, Тимур сохмил, что таким людям, как Вениамину, в средневековье была уготована блестящая карьера младшего ученика второго помощника великого инквизитора. Прямо в десятку, мне понравилось. Так и повелось за ним: Младший. Нескоро пришлось мне, дуре, понять, что Тимур не хохмил. Просто он очень хорошо знал людей. И ненавидел их. Как и все мы.

Я закинула ногу на ногу и, видя, что Младший ждёт ответа, поинтересовалась:

– Прямо сейчас?

– В данный момент этот вопрос не является приоритетным, но мы непременно к нему вернёмся, будьте уверены, – ответил Младший. Да, вот так он говорит. С расстановкой, внятно проговаривая запятые.

– Давайте уже начинать, в самом деле, спать охота.

Это Тимур. Тимур умеет говорить и зевать одновременно. Он похож на ленивого толстого кота. И он единственный из известных мне Снящих, кто всё время хочет спать. Более того – любит спать. Не знаю, любит ли он спать. Я тоже любила, пока думала, что это одно и то же, и пока не знала, что делают с миром мои сны. Но об этом не принято говорить вслух, как не принято говорить о вчерашнем несварении желудка вследствие позавчерашнего дикого перепоя. По крайней мере в приличном обществе.

– Оглашаю повестку дня, – начал Младший; он читал с монитора, постукивая по нему стилусом. – Пункт первый, общий: информирование членов групп на местах о специальном постановлении ввиду чрезвычайно ситуации. Пункт второй, локальный: разрешение текущих вопросов Сновидения на местах. Пункт третий, локальный: расширение группы. Пункт четвёртый, локальный: дисциплинарные взыскания.

– Как расширение группы? Блин, что, опять практикант?! – возмутилась я и полезла за сигаретой.

– Здесь не курят, Мария Владимировна, – процедил Младший. И не надоедает же ему – раз за разом. Я прикурила и выпустила дым в его сторону. Тимур неодобрительно покачал головой. Но он сидел далеко от меня. Я уостила ноги поудобнее и сказала:

– Добавь в список взысканий. А лучше напрямую жалуйся главному супервизору.

Он уже меня не слушал. Ей-богу, он скажет: «Здесь не курят, Мария Владимировна», даже если я войду в комнату с плакатом «Курить – здоровью вредить!», и пахнуть от меня будет исключительно мятной жвачкой. Это свойство всех младших учеников вторых помощников...

– Если нет возражений, переходим к пункту первому, общему.

И тут он захлопнул ноутбук. Тимур присвистнул и сразу проснулся. Я затянулась поглубже и стряхнула пепел на голый пол, готовясь услышать что-нибудь интересное.

– У нас снова случай саботажа, господа.

– И дамы, – напомнила я. Младший посмотрел на меня немигающим взглядом. Тимур недоверчиво сощурился.

– У нас, здесь?

– Запрос общий. Местность пока неизвестна и уточняется. Приказано применить превентивные меры и сократить сеансы Сновидений до необходимого минимума. А также быть готовыми к тотальной проверке в любой момент. В любой момент, Мария Владимировна. Так что настоятельно рекомендую вам подходить к телефону.

– Есть улики?

А это Игнат. О, Игнат... Если о Младшем до того, как он заговорит, вы необоснованно хорошего мнения, то молчащего Игната вы не видите вообще. Он сливается с обстановкой. Ему бы в разведке работать, а он спит. Игнат, Игнат... Если бы мне было пятнадцать лет, я бы писала для него дрянные стихи. Там обязательно была бы строчка «холодный мой, строгий». И что-нибудь, что рифмуется со словом «вечность». Уверена, в его характеристике значится: «Характер нордический. Не женат». Хотя я не знаю, женат ли он.

Младший раскрывает ноутбук – так, словно просто хотел на мгновение оставить нас без свидетелей, – и стилус снова пляшет по монитору.

– Улики не разглашаются в интересах следствия. Но их достаточно, чтобы факт саботажа был вынесен на местные супервизии. Это означает скорее всего отсутствие глобальных последствий для мира, но, возможно, они ещё не успели проявиться в фиксированном масштабе.

– Взмах крыльев бабочки на одном конце света... – бормочу я, прикрыв глаза, и Тимур фыркает. Младший смотрит на меня водянистыми глазами.

– На вашем месте, Мария Владимировна, я отнёсся бы к ситуации со всей серьезностью. До окончательного выяснения ситуации подозрение падает на каждого.

– На каждого из нас, ты хотел сказать.

– Я сказал то, что хотел сказать, Мария Владимировна.

Какое у меня медленное имя. Медленное и старательное. Я такой никогда не была.

– Вениамин Всеволодович, – бормочу я про себя и ухмыляюсь, когда его брови недоумённо вскидываются. Он знает, как мы его называем между собой, только думает, что это из-за его должности – младший супервизор. Думаю, он уже отвык от звучания собственного имени.

– Если это всё, давайте к пункту два, – сказал Тимур, и мы перешли к пункту два.

Те немногие, кто знает о происходящем, называют нас Сновидцами, но это неправильно. Сновидец – это тот, кто видит сон. Мы не видим снов. Мы сним видимость. Сначала есть мы, а потом уже – всё, что происходит вокруг нас. Мы были всегда, некоторых из нас считали пророками, некоторых – чудаками. В средневековье нас лихо и азартно жгли как одержимых и еретиков. Почти каждый человек хотя бы раз в жизни снил – то есть видел во сне что-то, что потом так или иначе сбывалось. В простонародье такие сны зовут «вещими», и почти никто не подозревает, что это управляемое свойство психики. Можно забавляться или игнорировать эту способность. А можно развивать её и делать своей работой. Иногда, когда человек чаще спит, чем видит сон, у него не остается выбора. Его находят, вербуют, обучают и зачисляют в локальную группу, формирующую мир вокруг себя. Тот, кто сильнее, делает это явно: он спит пожары, и революции, и научные открытия. Остальным достаётся рутинная работа. Нас здесь четверо, и мы не особенно сильные пророки. Когда мы, вколов себе дозу болтушки – препарата, активизирующего фазу быстрого сна, – садимся в круг, соединяем руки и видим один и тот же сон, не происходит ничего особенно важного. Говоря по правде, мы даже не всегда понимаем толком, что именно сним. Порой это довольно осмысленные вещи. Балкон старого дома падает посреди ночи на пустой тротуар, и мы знаем, что, вероятно, он должен был обвалиться на головы прохожих. Или бешеная собака травится тухлыми консервами – должно быть, чтобы спасти жизнь того, кого она загрызла бы несколько дней спустя. Наверное, для этого – а может быть, и нет. Гораздо чаще нам приходится сниться всякие мелочи, на первый взгляд абсолютно лишённые смысла. Какой-то человек, переходящий дорогу через пешеходный переход, вместо того чтобы пройти через подземный. Кофейная чашка, задетая чьим-то локтем и разлетающаяся осколками об кафельный пол. Или даже просто кирпичная стена, с которой порывом ветра срывает плохо приклеенную афишу. Это легко и быстро, мы успеваем наснить много таких мелочей за одну супервизию. Я не знаю, что мы делаем, и не знаю, зачем. Иногда, впрочем, поступают более конкретные инструкции – когда дело касается непосредственно нашего городка. Мы здесь единственная группа Снящих, поэтому на нас ложится ответственность за все более или менее важные события, которые в нём происходят. Случается это, правда, нечасто. Самое большое наше достижение – поимка маньяка, насильовавшего школьниц совсем недалеко от нашей штаб-квартиры, прямо на этих пустырях.

Может показаться, что мы вмешиваемся во вселенскую гармонию, но вряд ли это так. Старшие Снящие знают, что делают. А если и не знают, то это наверняка знают те, кто стоят над ними – те, кто спит наши улицы и города... Здесь строгая иерархия, ничего лишнего, и каждый на своём месте. Мы четверо, и даже Младший – самая низшая ступень. То, что мы делаем, – не спасение и не благодеяние. Может, профилактика, а может, работа над ошибками... Не знаю, да и знать-то не хочу. Хотя это пришло не сразу. Нам всегда указывают, что мы должны сниться – на то и существуют супервизии. И мы сним то, что велено, и ничего кроме того. Это просто работа. Просто такая работа.

И сегодня мы просто работаем.

После свидения мы обычно делаем короткий перерыв и разбредаемся по комнате – кому-то надо выпить кофе, кому-то покурить. Но на деле мы просто пытаемся скрыть, насколько сильно мы устали. Скрывать – единственное, что всем нам удаётся на ура. И я правда не знаю, выкладываются ли остальные на полную или только притворяются. Если не притворяться, это скоро заметят. И повысят. А наша работа отличается от любой другой тем, что никто и никогда не хочет повышения, если только он не полный идиот.

Отдыхаем мы молча, я смотрю на Игната. Он пьёт кофе со сливками. На его губе остаётся след молочной пенки, и Игнат аккуратно промокает его салфеткой.

– Возвращаемся к повестке дня, – говорит Младший, и Тимур, весь перерыв бессмысленно пялившийся в окно, поспешно садится обратно в своё кресло. – Пункт третий, расширение группы.

– Давно пора, – вполголоса заметил Тимур. Мы с Игнатом молчим, хотя и по-разному: я с трудом сдерживаю раздражение, ему, кажется, всё равно.

– Претендент – Иван Сергеевич Розаров, четырнадцать лет, обнаружен три месяца назад, взят под наблюдение, признан перспективным. Предлагается зачислить на испытательный срок практикантом. Возражения? Возражений нет. Мария Владимировна, вы назначаетесь куратором практиканта.

Я чуть не выпустила изо рта сигарету. Потом холодно сказала:

– Самоотвод.

Младший без выражения посмотрел на меня.

– Не принимается.

– Я давно предупреждала вас, Вениамин Всеволодович, что больше не буду брать учеников. Также я предупреждала, что это вопрос обсуждению не подлежит, – я говорю спокойно, ровно, его языком, его голосом, с его любимыми запятыми. Младший смотрит на меня, и я с яростным отчаянием понимаю, что говорить могу что и как угодно: мне уже не отвертеться. – Да какого чёрта, я же ни одного практиканта не смогла довести до конца! Вы это не хуже меня знаете! Если он впрямь такой перспективный, отдайте его Тимуру, и все дела. Тимур у нас гений педагогики.

– Вот уж спасибо, ненаглядная, – вставил Тимур.

– Да ладно, не скромничай, – зло бросила я. И ведь правду же сказала. За то время, что я вхожу в группу Младшего, мне четырежды поручали учеников, и трое из них заканчивали нервным срывом. Что стало с четвёртым, я не знаю, однажды он просто не пришёл на урок, и больше я о нём ничего не слышала. А Тимур тренировал по меньшей мере десятерых, и почти всех удачно – настолько удачно, что их не оставили у нас, а отправили в группы высшего приоритета. Он и Игната тоже тренировал. И меня.

– Я не скромничаю. Просто не вижу смысла обсуждать решение старшего супервизора, – сказал Тимур необычно серьёзным для него тоном. Я страдальчески вздохнула. Ладно, сами запросились. Младший наконец оторвал от меня взгляд и пощёлкал стилусом по монитору.

– Принято.

– Ну ладно уж, давайте пункт четвёртый, дисциплинарное взыскание, – зло напомнила я.

– А это и было дисциплинарное взыскание, – безмятежно сообщил Младший и закрыл ноутбук. – Всем спасибо, все свободны.

Я встаю со своего места последняя, пытаюсь переждать приступ ярости. Право слово, плоский юмор Младшего со временем всё больше приедается. Взыскание, значит. Ну, ладно.

Игнат подаёт мне плащ. Я роняю руки в холодные щели рукавов. От Игната пахнет дорогим одеколоном. Его голова над моим плечом, и я слегка запрокидываю голову, так, что мои волосы щекочут его гладко выбритый подбородок. Тимур и Младший прощаются: первый – небрежно, второй – сухо, они идут вперёд, и вскоре я слышу, как они заводят свои машины во дворе. Мы разъезжаемся, чтобы встретиться снова – через два месяца или раньше, если будут

новости о саботажнике. Мы никогда не встречаемся вне этого заброшенного здания. Нам это не запрещено, просто мы не хотим.

Мы с Игнатом начинаем медленно спускаться по лестнице. С пятого по второй этаж не горит ни одна лампочка, и я опираюсь Игнату на локоть. Не потому, что боюсь споткнуться, а чтобы подольше почувствовать его запах.

– Младший под тебя копает, – сказал Игнат, когда мы спустились на два этажа, и я напряглась. Он редко заговаривает со мной первым.

– Да? – сказала я и сухо улыбнулась. – Может быть. Я всегда подозревала, что он женоненавистник.

– Дело не в тебе. Он просто хочет выслужиться.

Выслужиться? Ещё и хочет? Ох, как же я не люблю, когда меня держат за дуру...

– Ты должна соблюдать осторожность.

Осторожность. Да, я должна соблюдать осторожность. И то, что я говорю себе это, говорю то, чем просто должна быть, – это так нелепо и неестественно, что...

Я быстро смаргиваю дымку. Какое долгое эхо в этот раз. Даже дежурное сновидение на супервизии его не перебило.

– Что ты думаешь про этого саботажника?

– Не знаю, – сказал Игнат и замолчал.

Мы стали спускаться дальше. Этот саботажник и впрямь выскочил как-то очень некстати, ещё и одновременно с новым практикантом... Сразу два экстраординарных события в нашем захолустье. Не то чтобы этого никогда не случалось прежде, но...

– Интересно, что за идиот решил подработать саботажем, – фыркнула я, но Игнат промолчал, похоже, не разделяя моего скепсиса.

Саботаж в среде Снящих – штука тонкая. Саботажниками у нас считаются люди, промышленяющие вещими снами на стороне. Всегда ведь найдётся человек, готовый неплохо заплатить, чтобы ему наснили то будущее, которого он хочет. Грубо говоря, кто-то из нас подрабатывает исполнителем желаний. К чему может привести такая самодеятельность в глобальном масштабе, сообразить нетрудно. Ну, предположим, некий зять мечтает, чтобы вам приснилась скорая и мучительная смерть его любимой тещи. А теща просит другого Снящего наснить ей долгую жизнь. Оба соглашаются. Занятный парадокс приключится, прямо фантастический роман написать можно... Потому саботаж – главное преступление среди Снящих. Большинство из нас понимает, что игра не стоит свеч, к тому же супервизоры обеспечивают своих сотрудников всем материально необходимым. Это безопаснее, чем искушать нас наснить самим себе несметные богатства. Поэтому они дают нам всё, что мы хотим, – ровно столько, сколько любой из нас пожелает. Об этом сообщают при вербовке, и у юных практикантов разгораются глаза, потому что тогда они, дурачье, не знают ещё, как мало мы способны хотеть.

В общем, саботаж – дело глупое, опасное и редкое. Ещё реже я слыхала, чтобы саботажников всё-таки ловили – уж больно трудно вычислить, кто именно снит незаконные предвидения. А если их и находили, о последствиях нас никто не оповещал. Но те, кто попадались, просто исчезали навсегда. Скорее всего их ликвидировали, и сомневаюсь, что они отделялись лёгкой смертью.

Ну вот – почему я на этой лестнице думаю только о работе? И никогда ни о чём другом.

Когда лестница закончилась, Игнат выпустил мой локоть и, не сбавляя шага, пошёл вперёд. Я вышла наружу вслед за ним и, закурив, смотрела, как он удаляется от здания по разбитой грунтовке. Ночь выдалась ветреная, налетающие порывы трепали волосы Игната и полы его пальто. Он шёл, сунув руки в карманы. Я тоже сунула руки в карманы и, выждав, пока силуэт Игната растворился в далёком месиве огней на шоссе, пошла вперёд. Под ногами у меня хрустела галька. Над пустырём свистел ветер.

Домой я вернулась утром. Подходя к подъезду, увидела возле дверей Ингу. Она и Ленку с собой притащила. Значит, снова будет клянчить денег. Господи боже, только не сегодня. Мне дико захотелось развернуться и уйти, всё равно куда, и плевать, что Инга наверняка заметила меня ещё раньше, чем я её. Но ноги привычно несли к родной обшарпанной двери, а рука так же привычно нащупывала в кармане ключи. Когда я подошла к подъезду, Инга выпрямилась. Ленку она крепко прижимала к себе обеими руками, будто боялась, что девчонка вырвется и убежит. За плечами у Ленки ранец, стало быть, дорогая сестрёнка решила проведать меня между делом, до того, как отвести ребёнка в школу. Пусть ещё только скажет, что по дороге ей было, мать её.

– Ты бы ещё на лестничной клетке перед квартирой моей расселась, – сказала я. – С табличкой между ног.

– Ты дома не ночевала! – было сказано мне в ответ, и я молча протиснулась мимо Инги в подъезд. Пока я шла к лифту, за спиной у меня хлопала дверь, стучали каблуки и хныкала Ленка.

– Мария, подожди! Послушай меня!

– Ма-а, мы в школу опоздаем...

– Замолчи. Мария!

Она всё-таки успела проскочить в лифт, прежде чем закрылась дверь. Ленкин ранец прищемило съезжающими створками, она взвизгнула и заныла ещё громче.

– Ма-а!

– Ребёнок в школу опоздает, – напомнила я.

Инга вскинула на меня глаза. Покрасневшие, наспех подведённые. Чёрные от ярости и мольбы. Я опустила голову и полезла за сигаретой.

– Мы с шести часов тебя ждём, – шепот Инги звучал хрипло. Шум лифта его почти заглушал. – Я уже не знаю, когда тебя можно застать. К телефону ты...

– Чего тебе опять надо? – спрашиваю я, выпуская ей в лицо облачко дыма. Инга щурится, кривит рот, но не возмущается. Ха, в том ли она положении, чтобы возмущаться. Лифт останавливается, я выхожу, мои дорогие родственницы – следом за мной. Они стоят, как побитые собаки, и ждут, пока я открою дверь. Мои пальцы подрагивают, у меня не сразу получается вставить ключ в замок. Ленка тихонько ноет, что ей пора в школу. Инга молчит.

Я распахнула дверь, пошла по коридору, на ходу сбрасывая плащ и туфли. Плащ падает аккуратно на вешалку, туфли залетают в ящик для обуви рядышком, носками вперёд. Инга этого не замечает.

– Лена, постой здесь. Подожди здесь, говорю.

– Мам, мне ранец жмёт...

– Где жмёт? Сними его пока. Сними, я потом посмотрю. Подожди здесь.

Ей бы стоило оставить девчонку на улице, думаю я и иду на кухню. Достаяю из холодильника графин с минералкой, наливаю полный стакан. Подношу к лицу, потом сплёвываю прилипшую к нижней губе сигарету и долго пью не отрываясь. Инга стоит за моей спиной так тихо, что я не подозревала бы об этом, если б не знала наверняка.

– Нет у меня денег, – говорю я, не оборачиваясь. – Задралась уже повторять тебе, нет у меня денег!

– Мария, маме... очень плохо. Я тебе звонила неделю подряд, ты не отвечала...

Я поставила пустой стакан в раковину, выдвинула ящик стола, вынула запечатанный блок, стала сдирать целлофан.

– Я бы не пришла к тебе больше... ты же знаешь, что не пришла бы. Но ей правда плохо. Ей новое лекарство прописали, его у нас не делают, надо заказывать из Америки...

– Как же ты меня зае...ла, – сказала я. Стоп, а зажигалка-то моя где? В плаще вроде была. Я пошла в коридор, задев по дороге Ингу плечом. Ревёт. Встала в дверях кухни и ревёт,

как дура. Ленка в коридоре сидела на полу, возясь с ремешком ранца. Вскинула на меня глазёнки: настороженные, злые. Я отвернулась от неё и обыскала карманы плаща. Пусто. Чёрт, таки потеряла. Интересно, у меня остались спички? После пяти минут лихорадочных поисков по всем кухонным шкафчикам с облегчением обнаруживаю, что остались.

– Не реви, – сказала я, снова сев на табурет. Инга, не слушая, продолжала тихо всхлипывать, привалившись плечом к дверному косяку. – Не реви, слышишь, что сказано? Не могу я вам ничем помочь. Сто раз говорила уже.

– Ты можешь, – боковым зрением вижу, как она вытирает слёзы, не заботясь о том, что размазывает косметику по лицу. – Просто не хочешь.

– Это одно и то же, – ответила я, зная, что она всё равно не сможет понять.

– Доктора говорят, ей несколько месяцев осталось, – сказала Инга.

И замолкла. В квартире тихо, слышно, как на улице перекрикиваются мальчишки и как звякает в коридоре ремешок ранца, с которым возится Ленка.

Инга говорит:

– Это не деньги, Мария, это...

– Уходи, – сказала я. – И не приходи сюда больше. Придёшь ещё раз – морду набью.

Она знает, что я это могу. Я это и сделала в самый первый раз, когда её увидела. Её, чистенькую, розовенькую девочку-припевочку с синими бантиками в волосах. Наша общая мамуля наконец изволила взглянуть на старшую доченьку, которую бросила, едва той стукнул год, ещё и додумалась притащить на встречу свою дочь от второго брака. Познакомить, похвастаться. Нет, я вполне допускаю, что она искренне верила, будто мы подружимся. Она же совсем меня не знала. Сперва я жила с отцом, потом, когда он умер, в интернате, где меня и нашёл Тимур. Большинство Снящих находят в интернатах и детских домах. Я как раз проходила подготовку, когда мамуля решила меня навестить. И сестрёнку мою сводную с собой привела. Порядочно удивилась, надо сказать, когда я вцепилась сестрёнке в патлы и повыдёргивала из них синие бантики вместе с длинными прядями курчавых тёмных волос. У Инги волосы нашей матери. А я рыжая, как таракан. И как мой отец.

Инге тогда было восемь, мне – двенадцать. Подготовку я закончила через год и больше никогда не хотела их убить – ни Ингу, ни нашу мать. Но они-то по старой памяти по-прежнему считали меня психопаткой. Так что мамулю я с тех пор почти не видела. А Ингу видела. И чаще, чем мне хотелось бы.

Инга открыла сумочку, стала рыться – платок ищет небось. На столе прямо перед ней, среди полных пепельниц, стояла салфетница, но Инга не обращала на неё внимания. Наконец нашла, долго сморкалась, потом пошла в ванную, возилась там, видимо, поправляя макияж. Вышла опухшая, красная, несмотря на толстый слой пудры. Посмотрела на меня.

– Ты бы хоть встретилась с ней... перед... – говорит, а у самой в горле всё так и клопочет. Снова сейчас заревёт. У меня начало постукивать в висках.

– Вали отсюда.

Она уходит, но прежде говорит ещё:

– Тебе же достаточно захотеть. Просто захотеть, чтобы она...

Я смотрю в окно.

Ленка в коридоре снова начинает ныть. Потом тихо скрипит входная дверь. Не хлопает – Инга никогда в жизни дверью не хлопнет. Темперамент не тот.

Со стороны может показаться, что я её ненавижу, но это не так. По крайней мере не больше, чем всех других людей.

Я выкурила сигарету. Потом ещё несколько. Потом пошла в спальню, включила вентилятор над кроватью, разделась, легла в постель и проспала тридцать семь часов. Без снов.

Розаров Иван Сергеевич, значит. Рыжий-прерыжий, прямо как я. Взъерошенный, со взглядом голодного воробья. Грация мартовского кота, налижавшегося валерьянки. Одет плохо.

– Садись, – сказала я, – и перестань трястись, не съем. Если бздишь, воды себе налей.

– Я не хочу, спасибо, – отвечает Иван Сергеевич Розаров, дико озирая мою загаженную кухню.

– Тогда просто садись. Так, – я пристально осматриваю его с ног до головы. Четырнадцать лет, самый сок. Чуть позже – и чутьё уже не растормошишь, чуть раньше – и будет, как со мной. – Папа-мама есть?

– Есть.

– Чем занимаются?

– Да ничем не занимаются... Батя пьёт, а мать...

– Понятно, – дальше слушать мне незачем. – Ты знаешь, что с тобой происходит?

Мальчишка смотрел на меня исподлобья, настороженно. Жался на краешке табурета, не зная, куда девать руки. Его голубые джинсы протёрты и оттянуты на коленях. На мой вопрос он не ответил. Я вздохнула.

– Хорошо. Просто скажи мне, что необычного ты за собой замечаешь.

Минут пятнадцать он рассказывал о своих снах – вещих снах, которые сбывались едва ли не на следующий день. Я кивала, уже видя, что пацан почти безнадёжен. Типичная кассандра. Так у нас зовут тех, кто всё время снит только плохое – то есть то, что его обывательский разум воспринимает плохим. А чего ещё ждать, по одному взгляду на него ясно, что мальчишка издёрган до крайности.

– Ладно, хватит пока, – оборвала я его, видя, что пацан увлекся. – Тебе объяснили, кто такие Снящие?

Косится на меня. Молчит. Потом кивает, но не слишком уверенно. Или всё-таки не объяснили, или, что более вероятно, он ничего не понял. Я снова вздыхаю. Никогда мне терпения с детьми не хватало.

– Ты особенный, знаешь, да? То, что тебе снится, сбывается. Но не потому, что тебе приснилось, а потому, что ты это увидел во сне. Ну смотри. – Я беру ручку и пишу на обрывке газеты его имя. Иван Сергеевич Розанов не отрываясь следит за моей рукой. Дописав, я подвигаю обрывок к нему. – Это я написала или оно мне написалось?

– Вы написали.

– Ну вот. Это то же самое.

Он неуверенно кивнул.

– Ох, называть-то мне тебя как?

– Можно Ваней... – в уголках его рта появляется тень робкой улыбки, – Мария Владимировна.

В его устах моё имя не медленное и неповоротливое, а угловатое, колючее, с двумя резкими «р». Я не улыбаюсь ему в ответ.

– Так вот, Ваня, теперь возьми ручку и напиши мне свой сон.

Он колеблется, чешет затылок, потом подчиняется. Я молча слежу за ним. Он кажется старательным, хотя и немного туповатым. Дисциплинарное взыскание, блин...

– Ну, написал? – забираю у него обрывок, сминая не читая, бросаю через плечо прямо в корзину – вау, трёхочковый! – Ты сделал это в последний раз. И больше никогда не сделаешь. Теперь бери, – подсовываю ему салфетку, – и пиши здесь: «Лес, рыть землю, лисица, полевая мышь». Написал?

– Написал, – говорит мальчишка. Вид у него совершенно ошалелый.

– Вот это ты теперь будешь делать, Ваня. Тебе скажут, что ты должен наснить то-то и то-то. И ты наснишь это. Только это. А не то, что тебе захочется или чего ты испугаешься. Понял?

- Нет, – жалобно говорит Иван Сергеевич Розаров.
- Список литературы у тебя есть?
- Н-нет...

Я пошла в комнату и следующие десять минут возилась с компьютером, распечатывая список. Когда вернулась, Ванька вытягивал шею, будто силясь разглядеть обрывок газеты, который я выбросила в мусорную корзину.

– Держи. Пройдёшься по библиотекам. Только с Фрейда не начинай.

– Ага, – кивнул он и впился в список глазами. Будет стараться. Я неторопливо закурила.

– Всем людям, Ваня, снится только то, чего они хотят, или то, чего они боятся. Любой хоть сколько-нибудь внятный и символический сон так или иначе сводится либо к тому, либо к другому. Сны некоторых людей формируют нашу реальность. Но желания и страх – это то, что мы не можем контролировать. Мы впускаем их в свои сны, а через сны – в реальность вокруг нас. И хорошо, если мы сильнее хотим, чем боимся. А если боимся, то...

– То оно случится.

Я удивилась, что он меня перебил, но кивнула. Ваня снова сидел на самом краешке стула, жадно глотая мои слова, его руки стискивали распечатку, которую я ему дала. Я подумала – а будет ли он читать всю эту хрень. И, главное, надо ли оно ему.

– Поэтому Снящие, Ваня, – это работа. Мы сним только то, что нам приказано снить. И ничего кроме этого.

– А как же тогда...

Он не задаёт этот вопрос – главный вопрос, который вертится на языке у каждого практиканта и который никто из них не может толком сформулировать. И тут уж только от куратора зависит, как будущий Снящий поймёт всё то, на что мы его обрекаем. Его и самих себя.

– Правило номер один, Ваня, – говорю я медленно и чётко. – Твои сны – они не твои. Они не тебе принадлежат. И ты не должен впускать себя в свои сны. Ни при каких обстоятельствах. Никогда.

– Как же это... – он растерянно моргает, понимая слова, но не понимая сути. – То есть, вы...

– После завершения подготовки ты разучишься бояться и хотеть. Не совсем, конечно, – элементарные инстинкты-то у тебя должны сохраниться. Но людям никогда не снится то, что связано с элементарными инстинктами. Надо хотеть или бояться чего-то очень сильно, чтобы оно тебе приснилось. Так ведь?

– А почему вы курите? – вдруг спросил он.

Я весело вскинула брови.

– Не поняла?

– Если вы ничего не хотите, то почему курите, вы ведь не должны хотеть курить?

Как легко он всё понял. Понял и принял. Или ему это только кажется, как когда-то казалось мне. Хотя я была всё-таки чуть помладше. И только думала, как это здорово – быть богом.

– А почему ты не спрашиваешь, зачем я ем, пью, трахаюсь? – пацан залился краской до самых ушей, от чего его рыжина стала ещё ярче. – У меня никотиновая зависимость. Такие желания – инстинктивные. И, будь уверен, если я увижу мчащийся прямо на меня автомобиль, я заору и отскочу в сторону. Но забуду об этом через минуту. Потому что если не сумею забыть, то рано или поздно мне приснится этот автомобиль, летящий прямо на меня. И тогда...

– Я знал одного мальчика, – проговорил Ваня. Снова перебил, надо же! Смелеет пацан. Идёт на контакт. – Не здесь. В Алушке. У меня тётка там... И он всё время тонул. Постоянно. Глупо так тонул: то в море, то в ванной, даже в раковине раз чуть не захлебнулся, когда кран сорвало... Он мне сказал как-то, что страшно боится воды. И ему всё время снится, что он тонет. Каждую ночь.

– Ясно, – сказала я и всё-таки спросила: – В итоге он утонул?

– Не знаю. Я давно в Алупке не был.

Я кивнула. Если они сверстники, то в Алупке, оказывается, тоже есть по меньшей мере один Снящий, созревший для подготовки. Надо будет Младшему сказать, пусть старшему супервизору сообщит. Мало ли, они могут не знать. Хотя, если Ванька не врёт, случай уже слишком запущенный. Но если нет, и мальчишку завербуют и хорошенько подчистят, это делает его по-настоящему счастливым. Редкое дело.

– А это можно? Избавиться от... того, чего боишься?

Я тоже это спросила. Да, помню, спросила. Тимур тогда улыбнулся и ответил: «Можно». Он знал, что именно это всегда интересует практикантов. Про избавление от желаний они не спрашивают. Почему-то им это кажется менее значимой потерей, чем потеря страха.

– Можно, – говорю я. – А теперь давай спать.

Как и любого новичка, с непривычки болтушка валит его наповал, а мне требуется несколько минут, чтобы мой организм отреагировал на препарат. Я сплю и вижу лес. Сейчас утро. Солнечные лучи в неподвижной листве. Дрожь росы на траве. Мои лапы мокнули в ней, папоротник хлещет бока. Я раздираю землю когтями. Травинки щекочут усы. Чую запах близкой добычи. Сжимаю челюсти. Полёвка бьётся в моей пасти. Она жива, её кровь течёт мне в горло. Я пью её ужас, её панику. Больно. Коготки на содрогающихся лапках царапают моё нёбо. Я откусываю полёвке голову и выплёвываю труп в траву. Он падает в папоротник.

Я просыпаюсь.

Иван Сергеевич Розаров лежит на полу, скрючившись и растопырив заочневшие конечности. Из рта у него течёт пена. Я неторопливо встаю, иду в ванную, достаю из аптечки шприц с адреналином. Он всегда наготове, в одном и том же месте, чтобы Борис в случае чего сразу нашёл, хотя обычно он привозит с собой дозу или две. Обращаю внимание, что шприц последний. Чёрт, это фигово, надо пополнить запас.

Через десять минут Ваня, икая, лежит на диване, а я настукиваю одной рукой на клавиатуре записку Младшему. В другой руке у меня сигарета, и я стараюсь, чтобы пепел не падал на клавиатуру.

– Очухался?

Мне не надо оборачиваться, чтобы знать, как он выглядит и как трясутся его руки и губы.

– Я был... я... был... у вас в зубах. Вы откусили мне голову.

Моя рука замирает над клавиатурой. Курсор мигает на слове «бесполезно».

– А ну-ка ещё раз, – требую я. Ванька икает всё громче, в его голосе дрожит, подступая, истерика.

– Вы схватили меня и дёрнули вверх, а потом я оказался у вас в зубах, и вы меня...

– А ты мне всю глотку расцарапал. Ты ногти стрижёшь вообще?

Я обернулась и смотрела, как он хлопает глазами, широко раскрыв рот. Поморщилась. Гадкий, глупый, смешной щенок. Бесплезно. И безнадежно.

Я вспомнила его панику и его боль, лившиеся в моё горло. Тут же отмахнулась от этого воспоминания. Эхо, просто эхо.

– Ещё раз, Иван Сергеевич. Вы говорите, я вам откусила голову? Как вы себе это физически представляете? И, главное, скажите-ка мне, что будет дальше?

– Вы были лисицей... – он понимает то, что говорит, уже после того, как произносит это. – А я... был... мышью... и вы...

Я отворачиваюсь и продолжаю настукивать письмо. В квартире тихо. Тикают часы. Сквозь щель между шторами просвечивает солнце.

Голос Ивана неожиданно окреп.

– Лисица съела полёвку. В лесу.

– Точно, – довольно ответила я, обернувшись. – Лисица съела полёвку в лесу. Чей это был сон? Мой или твой?

– Лисицын, – ответил Ваня и, подумав, добавил: – И сон полёвки тоже. Но лисица спала дольше.

Я смотрю на него несколько мгновений, потом качаю головой. Оборачиваюсь к монитору и закрываю документ не сохраняя.

– Если тебе теперь будет снится, что тебе откусывают голову, что это будет значить? – спрашиваю экзаменаторским тоном.

– Что это страх полёвки. Не мой страх.

– Правильно. Не твой, а другого зверя, – я улыбаюсь ему, не выпуская сигареты из губ. – Понравилась тебе лисица?

Он замялся.

– Н-ну... она такая...

– Сильная. Хитрая. Осторожная. Это называется сон-оболочка. Тебе придётся выбрать образ, в котором ты станешь спать. Если это не твой сон, он ведь должен быть чьим-то ещё, верно? Нравится лисица?

– Нравится, – говорит Ваня смущённо.

Я киваю. Я знала, что он это скажет.

Поэтом я учу его желать того, чего желает лисица. Я знаю, что это спорная методика, но так учили меня, и я довольна результатом. А вот с Младшим было по-другому: из него сперва выгнали его собственные желания и страхи, а потом научили накладывать на чистый лист новые, как наклейки, которые можно прилепить и отодрать. Думаю, так учили и Игната. А со мной Тимур был, как мне тогда казалось, более человечен. Он не пытался убить мою жажду, он оставил в покое мой страх. Только заменил и первое, и второе чем-то другим. Просто заменил.

В этот день мы с Иваном сним ещё два раза, он уходит от меня глубокой ночью. Уже на пороге, сонный, вымотанный, но всё ещё подрагивающий от азарта и непривычных ощущений, он спрашивает меня:

– А кто такой главный супервизор?

Слышал от Младшего, наверное. Я устало улыбаюсь и ерошу мальчишке волосы. Про иерархию в среде Снящих я расскажу ему как-нибудь позже, а теперь просто говорю:

– Это тот, кому снимся все мы.

Даже у Снящих сбываются не все сны. Конечно, нет. Только вообразите, что творилось бы в мире, если бы сбывалась абсолютно вся ерунда, которой информационный поток ежедневно замусоривает наше подсознание. Мы все видим сны, а когда думаем, что не видим – на самом деле просто не помним. Бывает даже, что просыпаешься за миг до того, как успеваешь поймать сон, и он выскальзывает из хватки сознания, юркий и шелковистый, как лисий хвост. Сидишь потом, путаясь ногами в смятой простыне, и безуспешно пытаешься вспомнить, от чего же тебя потряхивало секунду назад. Такие сны никогда не оказываются вещими. Даже у нас.

Нет, сбывается только то, о чём знаешь. Что помнишь. Даже когда не спишь.

Я уже очень давно не видела живых и ярких снов. Всё-таки образы, которые рождает в моём мозгу болтушка, больше похожи на галлюцинации. А сны, обычные сны, когда бежишь и не можешь остановиться, падаешь и не можешь достичь дна, и просто делаешь то, что на первый взгляд лишено малейшего смысла – таких снов у меня больше нет. Меня для них больше нет.

И это ничего, пустяки – пока у меня есть лисица. А я есть у неё. Как знать, может, эта лисица тоже Снящая, и ей снюсь я.

– Кто там ещё... – простонала я, нашаривая в сумраке телефонную трубку. Не знаю, долго ли трещал звонок: я просто слышу его здесь, а мгновение назад я была там, был день, а здесь ночь, или нет, уже семь часов почти, скоро мне вставать на работу. Мне пришлось напрячься, чтобы вспомнить, где я работаю и, главное, зачем.

– Я тебя разбудил?

– Нет, – сказал я и села. Так резко, что голова кругом пошла. Сигарету бы мне прямо сейчас... Я так привыкла говорить с сигаретой во рту, что без неё у меня язык заплетается.

– Извини, что рано, – говорит в трубке голос Игната. – Я хотел убедиться, что ты в порядке.

– В порядке, – машинально повторяю я. Это не ответ, это потрясённое эхо его слов. Но Игнат принимает его за ответ и несколько секунд молчит, пока я нашариваю выключатель лампы и пытаюсь вспомнить, куда вчера зашвырнула тапки.

– Ты точно нормально?

– Да точно, точно, – повторила я и, спохватившись, добавила: – А если бы я сказал «нет», ты бы примчался сейчас напрямиком в мою тёплую постельку, м-м?

– Сегодня была супервизия, – говорит Игнат, и с меня мгновенно слетает и сонливость, и желание ерничать. – Тебя не было, и Младший ни слова не сказал. Тимур тоже. Как будто они этого и не заметили.

Так, кажется, мне всё-таки срочно надо закурить. Вот просто срочно.

– Сдаётся мне, что это нетелефонный разговор, – говорю я ровно. – Где и когда?

– Нет, – сразу ответил Игнат. Потом пристыженно умолк и после паузы неохотно добавил: – Нам не надо видеться вне супервизий. Тем более теперь.

– Да уж конечно! – разъярилась я, мало заботясь о том, что телефон может прослушиваться. – Это же не под тебя они копают!

– Я не уверен, что дело в этом, Мария. Супервизия прошла... обычно. Просто надо было срочно наснить одну ерунду. Мы втроём легко справились. Может быть, тебя не позвали из-за практиканта. Решили не отвлекать...

– Это уж я сама решила бы. – Чушь. Бред. Наснить ерунду, говоришь? И для этого срывать через неделю после запланированной супервизии? Недоговариваешь ты чего-то, мон шер... И всё-таки позвонил. Впервые за всё время, что мы знакомы. Наше общение всегда ограничивалось супервизиями да прогулками по лестнице вниз. До дверей.

– Может, тебя оставили для чего-то другого, – сказал Игнат. Очень близко к трубке: слова прозвучали шипящим полусшепотом.

Прикуриваю сигарету. Пускаю дым. Трубка жарко трётся об ушную раковину. Смотрю в потолок. Пора бы побелку обновить. Если я ещё останусь в этой квартире. Может, и не останусь...

Ходили слухи, что существуют отдельные группы Снящих при различных правительственных организациях по всему миру – от Пентагона до НАТО. Вроде бы шли разговоры о создании такой группы при ФСБ, но нас пока что слишком мало. Чем больше Снящих принимает участие в Сновидении, чем сильнее каждый из них – тем серьёзнее влияние их общего сна на мир. Большинство событий мирового масштаба, от гибели Помпеи до убийства эрцгерцога Фердинанда, было спланировано и реализовано через видения Снящих. Не знаю, верила ли я в это когда-нибудь по-настоящему. Слишком невероятным это казалось на фоне того, чем мы тут занимались изо дня в день – ерундой, как честно сказал Игнат... Впрочем, разве это так уж невероятно? Главной сложностью было научиться выжигать из людей их собственные желания и страхи. А главной загадкой – как им это продолжало удаваться на протяжении тысячелетий. О, разумеется, у них есть отработанные методы. По одной из версий, милтоновский гипноз создавался в первую очередь с этой целью. И у них всегда были препараты, активизирующие мозговую деятельность. И чёрт знает что там ещё. Но так или иначе, даже внушения мало: всё в конечном итоге упирается в могущество отдельно взятого Снящего. Если хоть кто-нибудь из них оказывается на йоту слабее, чем следовало, всё предприятие ждёт крах, или хуже того – вовсе не те последствия, ради которых оно затевалось. А выяснить это можно лишь экспе-

риментальным путём. Как бы то ни было, я никогда не жалела, что не допущена в подобные группы.

– Пока не допущена, – сказал Игнат.

Я моргнула. Потом засмеялась. Так, ну и какую часть этого я успела сказать вслух? А, к чёрту.

– Не дури, Игнат. Ты сам знаешь мои способности. Я не исключаю, конечно, что кому-то там взбрёт в голову меня повесить, но не настолько же. К тому же я об этом ни слухом ни духом. Рановато меня выкидывать из группы, не находишь?

– Всех всегда так переводят. Молча. И ты уже почти подготовила замену.

– Мальчишка не дурак, но ему ещё учиться года полтора как минимум. Нет, Игнат, тут всё проще: Младший под меня роет... – Роет. Роет землю. Мелкая мышьяная шерсть на языке. Яростно сминаю сигарету, силой воли глушу гул в голове. – Копают он под меня, как ты и говорил. Про саботажника что-нибудь новое есть?

– Нет. По крайней мере Младший ничего не говорил. – Игнат снова умолк, и я попыталась его себе представить. Где он сейчас: у себя дома, в кафе, на улице возле таксофона? Взлохмаченный или аккуратный, в куртке или плаще, что у него в руках? Я подавила вздох. Мне было бы проще это наснить.

– О'кей, милый, я буду начеку. Расцелую тебя при встрече за заботу. А могу и проставиться кофейком.

– Будь осторожна, Мария, – говорит Игнат и вешает трубку.

Я немного кручу трубку в руках, разглядывая короткие гудки, потом тоже вешаю. Не кидаю, вешаю. Надо избавляться от этой лисиной ловкости. Заодно и эхо, может, станет не таким сильным.

Младший всегда меня ненавидел, я знаю. Понятия не имею за что, и спрашивать совершенно незачем. Потому что от этого полшага до неуставных отношений, а с неуставными отношениями среди Снящих почти так же строго, как с саботажем – ненароком можно начать снить друг про друга, а там, глядишь, начнут срываться супервизии. Впрочем, такие нарушения тоже почти не встречались. Чтобы любить или ненавидеть, надо хотеть. Лисе нечего хотеть от человека, а желания Младшего давным-давно выжжены дотла.

Или всё-таки нет?..

Какое-то время я мерила шагами комнату, потом поймала себя на том, что наворачиваю круги вокруг телефона. Чего-то ты недоговариваешь, Игнат. И, может быть, ещё перезвонишь, чтобы договорить. Это беспокоит тебя... и в тебе нет страха за меня или за кого-то из нас, как нет его и во мне, так что дело тут в чём-то другом.

Я срываю трубку, кажется, ещё до того, как смолкает первый звонок. Лисья реакция, лисий слух. И лисья жажда.

– Всё-таки договоришь?

– Мария, только не бросай трубку, пожалуйста!

А я ведь уже почти это сделала – и как только она догадалась? – лисья реакция, да.

– Мне должны звонить, – сказала я.

– Я только на два слова, – торопливо бормочет Инга и начинает рассказывать мне, какая она бедная и несчастная. Она, и её Ленка, и, конечно, мать. И что в доме бардак, и муж пьёт, и ребёнка оставить не с кем, и работу она потеряла, и мать в больнице умирать не хочет. В конце называет конкретную сумму. Быстро оговаривается, что у неё есть почти половина. Я молча слушаю, слегка отставив локоть, так, что голос Инги превращается в далёкий стрёкот. Мне даже лень её посылать.

– Всё? – спрашиваю, когда она умолкает.

– Мария, пожалуйста, я не просила бы, если бы...

– Я спрашиваю, всё?

Она коротко выдыхает, потом отвечает.

– Да, но...

– Теперь слушай меня, – говорю я. – Если тебе надо денег, выгони мужа взашей и найди себе нормальную работу. Дочь сдай в интернат, мать – в хоспис. Если тебе надо поныть, звони на телефон доверия в женский центр. Прекрати меня доставать. Ты мне никто.

– Она же и твоя мать тоже! – кричит Инга.

– Ты мне никто, – говорю я снова и кладу трубку. Какое-то время держу на ней руку, потом убираю.

Потом сню.

Лисица трусой бежит вдоль оврага и видит тело. Лисица настороженно тянет носом воздух и уже знает об этом теле всё: что оно человечье, что это был самец, что лежит он тут третий день. Он сильно пахнет и может привести волков или других людей. А у лисицы совсем близко нора. Лисица хочет, чтобы тела здесь не было, и как можно скорее. Лисица зло лает на тело. Человечий самец не видит её и не слышит. Он ей никто.

Утёнок пришёл в обеденный перерыв. Выследил, когда я выбежала в кафешку под офисом пропустить стаканчик чего-нибудь, чем от меня потом не будет пахнуть. Днём я притворяюсь, будто работаю в фотоателье на ксероксе. Шеф у меня нервный.

Кафе было почти пустым, и Утёнок говорил вполголоса, не боясь быть услышанным. Я задумчиво кусала бутерброд и слушала не перебивая. Он действительно был страшно похож на утёнка. Такой маленький, косолапый, нездорового желтоватого оттенка, с характерным носиком. И если я не ошибаюсь, он был подсадной уткой, которую подослал ко мне Младший. Не утка, а так, уточка. Утёночек. Такой смешной.

Назвался он Лаврентием Анатольевичем. Меня всю жизнь окружают люди с непроизносимыми именами.

– Почему вы думаете, что я это сделаю? – спросила я, когда кофе и бутерброд были уничтожены, а сигареты ещё надеялись выжить. Тоже смешные.

Лаврентий Анатольевич недоверчиво задвигал широким носиком.

– Простите, но Борис Ефимович мне ясно сказал...

– Вы, видимо, чего-то недопоняли. Я не выполняю подобных заказов.

– Но вы ведь даже не дослушали!

– Мне не надо дослушивать. Вы что, думаете, вы первый ко мне с этим приходите? Извините, у меня работа.

Когда я встала, его ладонь – широкая коротенькая лапка с перепонками между пальцев – перехватила меня за руку. Я вдруг увидела – почти наснила, – как перехватываю эту лапку зубами. Не сильно, не насмерть, но надёжно. Моё. Быстро облизываюсь. Утиные перья липнут к моей морде.

– Мария Владимировна, пожалуйста. Хотя бы дослушайте.

Говорит очень тихо и очень твёрдо. Не по-утиному, нет. Лениво прокручиваю планы на вечер. Ах, Ванька же должен прибежать на занятие. Ладно, перебьётся.

– В десять на конечной двадцать пятого маршрута, – говорю я ему, и он выпускает мою руку. Прикосновение остаётся в памяти на несколько секунд, потом исчезает. Уже и не помню, каким оно было.

– Спасибо, – говорит он мне в спину, но я уже на улице.

В тот же вечер мы пьём коньяк у меня на кухне. Я вижу глазами Утёнка, как у меня загажено и задымлено. Но коньяк вкусный, а Утёнок пьяный. Поэтому дымить можно без всяких зазрений совести.

– Сил уже никаких нет, заела. Я и уходить пробовал, но она же ревет, дура. Я не могу смотреть, как она ревет, звереть начинаю. Кажется, что сам её убью. Вот прямо на месте.

– Да, это сурово, – с пониманием киваю я. У нас настоящий мужской разговор. – Когда ревет дура – это сурово. Так почему не убьешь?

– Не хочу грех на душу брать, – жёстко говорит мой Утёнок и опрокидывает в горло стопарь, а я откидываюсь назад, упираясь позвоночником в подоконник, и залиvisto хохочу. Утёнок смотрит на меня как замороженный.

– Мил человек, неужели ты правда веришь, что если её убью для тебя я, на тебе не останется греха? – весело интересуюсь я. Утёнок вздрагивает.

– Как убить? При чём тут убить? Я просто хочу, чтобы она пропала. Сгинула с глаз моих, не могу я так больше...

– А куда, по-твоему, пропадают люди? Если насовсем?

– Не знаю, – говорит Утёнок, и я вижу, что он правда не знает и знать не хочет.

И его ведь вполне можно понять. Не в том даже дело, что труп, кровь, следствие, нары – а в том, что грех на душу. Даже если заказать жену киллеру. Киллер-то запросит меньше, чем он предлагает мне. Но за что он заплатит наёмнику? Всё за те же кровь, труп, следствие, а там, глядишь, и нары – всяко случается. А мне он хочет заплатить за сон. Не за мой. За свой. За свой спокойный крепкий сон. О, у них, у тех, кто уже делал и ещё сделает мне такие предложения, богатая фантазия. Достаточная, чтобы во всех деталях вообразить то, что сделает с их недругами киллер, и достаточная, чтобы поверить в Снящих. Но недостаточная, чтобы вообразить, что Снящий сделает с их недругами – там, в своём сне. Этого они не то что не хотят знать, а не могут вообразить. Поэтому они всегда выбирали и будут выбирать нас. И предлагать нам деньги, которые нам не нужны.

Ну, мне-то, может, и не нужны, но кто-то когда-то всё же сумел заплатить достаточно за убийство эрцгерцога Фердинанда. И знал ведь, кому заплатить. Уж явно не тому, кто это убийство снил.

– Ну так что, по рукам? – спросил Утёнок, с надеждой заглядывая мне в лицо косенькими глазками. Не знаю, с чего он решил, будто та же история, только многословнее изложенная, произведёт на меня большее впечатление.

– Не выйдет, – чеканю я, пуская дым в его желтоватое лицо. А нет, не желтоватое уже, белеет мужик.

– П-почему? Я что, мало даю?

– Вам Борис Ефимович, – кривлю губы при этом имени, – что про меня говорил? Что я богородица?

– Господи помилуй, – Утёнок пугливо крестится. – Да я не думал совсем...

– Это я к тому, дорогой мой Лаврентий как вас там...

– Анатольевич...

– Анатольевич, я к тому, что не могу я просто взять и наснить вам что заблагорассудится. Чтобы увидеть во сне, как сгинет ваша жена, я должна этого испугаться. Или захотеть. – Я ему вру, вовсе я этого не должна – больше нет, но он ведь не знает про супервизии. – А я не испугливых, сразу вам говорю.

– А... захотеть... – он быстро облизывает сухие губы, глаза разгораются угольками. – Захотеть? Как захотеть? Сколько мне вам пообещать, чтобы вы захотели?

Я медленно вдыхаю и выдыхаю. Со стороны это, наверное, кажется обычным вздохом. Искушение сильное. Очень сильное. Захотеть. Всё равно чего, я не знаю, что он может мне пообещать – лишь бы захотеть.

Но лилица хочет только крови. И жить. Базисный инстинкт.

– Поцелуйте-ка меня, Лаврентий Анатольевич, – говорю я и закрываю глаза. Сижу не шевелясь, чувствую его плоские шершавые губы на лице, на губах, и царапающее, как наждак, дыхание на моей коже. Пытаюсь испугаться или захотеть. Пытаюсь; в самом деле, очень хочется. Хочется захотеть... ха... Да нет, это не желание. Это жажда.

Поняв, что всё впустую, я деловито вмазала Лаврентию Анатольевичу по шее и пинками препроводила в подъезд, где наставительно рекомендовала более не распивать коньяки и не приставать к малознакомым женщинам. Потом пошла в душ и долго мыла лицо и шею. Вспоминала, как ходила по пустырю позади штаб-квартиры Снящих в те самые ночи, когда там ещё шнырял тот самый маньяк. Медленно шла, далеко от огней. Ждала. Ждала, что хоть страшно станет, что ли. А когда страшно так и не стало, не огорчилась, просто удивилась – надо же, правда. Хотя, может, дело в том, что я чётко знала: этот маньяк меня не тронет. Иначе бы мне это приснилось. Приснилось бы тогда, когда сны ещё снились мне сами, без лисы...

А вот что меня тогда в самом деле потрясло, так это что никто – ни Игнат, ни Младший, ни даже Тимур, – никто из них не наорал на меня и не оттаскал за волосы за то, что шлялась ночью одна по пустырю. Мне хотелось бы думать, что им тоже не снилось про меня ничего плохого, потому-то они и спокойны. Но на самом деле я знала, что они просто не боялись за меня. Так же, как не боялась той ночью я, даже слыша медленные неровные шаги за спиной, в шорохах ветра среди обломков старых труб.

Самое хреновое в нашем деле то, что жизнь становится такой предсказуемой.

Отмыв с себя запах Утёнка, я вылила остатки коньяка в раковину и тщательно протёрла мокрой тряпкой табурет, на котором сидел Лаврентий Анатольевич. Подумав, попрыскала в кухне дезинфектором. Окно было распахнуто, но дым выходил медленно.

Так-то, Младший, если это была твоя подстава, то один—ноль в мою пользу. Ты что же, решил из меня сделать саботажницу? Вот уж дуру-то нашёл. Как-нибудь я всё-таки спрошу у тебя, а что такого, по твоему мнению, этот недоносок действительно мог мне дать? Ведь недоносок же. Даже если и не подстава. На самом деле я была почти уверена, что не подстава. Уж слишком сильно мой Утёночек хотел порешить свою благоверную. В самом деле хотел.

Я знала, я чувствовала, как сильно он хотел.

Когда ему наконец удаётся уснуть, он видит лес. Лиственница, густой колючий подлесок, длинные гряды оврагов, заросших крапивой. В оврагах хорошо рыть норы. Грунт глинистый, податливый. Очень хорошо рыть норы. Он припадает носом к земле и берёт след. Он роет землю. Хорошо и глубоко, одержимо, растворившись в равномерном сокращении мышц на передних лапах. Так хорошо роется, и быстро, ух ты, ну прямо как бульдозером...

А потом вылетает из сна от моего подзатыльника.

– Ма-ария Владимировна!

– Что Ма-ария Владимировна, балбес, – сердито говорю я. – Сколько раз тебе повторять одно и то же. У лисицы нет мыслей. У неё только желание и страх. Когда мысли – это уже ты. Какой, на фиг, бульдозер? Что тебя вечно клинит на этом?

– Я не знаю, – сокрушённо сказал Ванька и почесал ушибленный затылок. Обиженно посмотрел на меня. – Драться-то зачем?

– Затем, что если б ты снил по-настоящему, то чёрт знает что там наснил бы уже.

– По-настоящему? А это... это всё разве не...

– Когда солдат проходит тренировку в армии и стреляет холостыми в своего кореша, валяясь в окопе носом в грязи, это по-настоящему?

– Н-ну...

– Ну, – говорю я, – давай-ка ещё разок. Только теперь просто рыть. Понял? Просто рыть.

– Понял, – Ванька молча смотрит, как я взбалтываю новый раствор – ещё слабее прежнего, – а потом говорит: – А что там?

– Где?

– Ну там, где я рою. Там же что-то есть? Лисица не роет просто так, она же чего-то хочет?

О-паньки. Приплыли. На месяц раньше, чем до такого вопроса додумалась в своё время я сама.

– А это уже не тебе решать.

– А кто будет решать? И когда? Мне надоело рыть просто так.

Эх, парень, рыть не просто так надоедает ещё быстрее. Но тебе пока рановато это знать.

– Вот когда примут в группу, тогда и станешь рыть за делом. А пока это просто нора. Для тебя. Твоя собственная нора, понимаешь?

– Чтобы спрятаться? – спрашивает Ванька и хмурится. Ему не нравится эта мысль.

– Прятаться. Спать, набираться сил. Съесть добычу. Выжидать в засаде. Это уж как захочет твоя лисица. Но только не ты.

– Понятно, – говорит Ванька, и я вижу, что он действительно понял. Способный пацан, ничего не скажешь. Но его гложет что-то ещё, и я, опустив руку со шприцем, требовательно говорю:

– Ну?

Тогда он спрашивает:

– А там можно что угодно... ну, нарыть? Если так скажут. Всё-всё что угодно?

Что-то гложет его, что-то грызёт, рвёт изнутри на части. И он на что-то надеется. Отчаянно. Слепо. Видать, он тоже что-то потерял. Или боится потерять. Или хочет вернуть. Один чёрт.

М-да, хреновый из меня педагог. А я всегда это говорила.

– Ты часто видел, чтоб люди летали?

– Чего? – хлопает рыжими ресницами.

– Видел, чтобы море расходилось к берегам? Чтобы летом была метель, чтоб вчерашний день можно было прожить иначе? Чтобы девка, пославшая тебя на три буквы, вдруг с ходу валилась к тебе в койку, а твоего смертного врага раздавливало катком, стоило тебе его проклясть? Видал такое?

– Да не очень, – тихо отвечает Ванька. Неужто с девкой попала в точку? Надо же.

– А знаешь, почему не видал?

– Потому что так не бывает.

– Ага. А почему не бывает? Ну, думай. Я тебе говорила.

Он подумал, потом робко предположил:

– Мы этого не сним?

– Точно. Мы этого не сним. Мы сним только то, что сумеем себе представить так, как будто оно взаправду может быть. А ты веришь, что можешь полететь взаправду? Только честно? – Ванька мотает головой, я киваю. – И никто не верит. То есть как бы упорно тебе не снилось, что у тебя выросли крылья или ты стал кинозвездой, если твоему сну не за что зацепиться в реальности, он сам даст тебе об этом знать. Хаотичностью, блеклыми красками, бессвязностью, безумием. И останется просто сном.

– Просто сном, – задумчиво повторяет Ванька. Ему придётся привыкнуть к мысли, что в его жизни, оказывается, ещё остались просто сны. И он пока не знает, что с каждым годом их будет всё больше. Тогда-то он и вообразит, будто научился спать без сновидений. – И что, совсем-совсем никто не верит? Не... хочет?

– Некоторые, – сказала я неохотно. – Очень редко. Пару раз за эпоху. Всякие там Да Винчи с Коперниками... Но эти ближе к главному супервизору. Нам до них далеко.

Тогда Ванька снова спрашивает:

– А как поговорить с главным супервизором?

Я собираюсь ответить – не то, что он хочет услышать, а то, что принято отвечать, – но тут звонит телефон. Чёрт, и когда я уже соберусь поставить автоответчик? И вообще жуть как интересно, кто это может быть в такое время. Глухая ночь сейчас, не знаю даже точно, сколько может быть времени. Фонарь под окном уже погас.

– Ну чего? – спрашиваю я, срывая трубку.

Слышу опять этот голос. Слушаю.

Я слушаю, потом вынимаю сигарету изо рта и держу её между пальцами. Просто слушаю, ничего не говорю. Потом кладу трубку. Когда она опускается на рычаги, плачущий голос Инги ещё летит из него, далёкий, звонкий, как стекло.

– Мария Владимировна, что случилось?

Куда-то делась сигарета из пальцев. Только что тут была. Ладно, я достаю из кармана пачку, беру новую сигарету, зажигалку... нет зажигалки. Ладно, спички. Тут вон с прошлого раза ещё валяется коробок... Беру его, чиркаю. Чиркаю. Чиркаю.

Голос сквозь плотную ватную пелену:

– Мария Владимировна?

Замечаю, что чиркаю по серному боку коробка не спичкой, а сигаретой.

Смотрю Ивану Сергеевичу Розарову в глаза. Сквозь тот же слой ваты слышу свой голос:

– Главный супервизор, значит...

– Мария Владими...

– Сядь, Ваня. Сядь напротив меня. Так.

Он садится. Я широко расставляю ноги, наклоняюсь вперёд (лисица во мне даже сквозь слой ваты слышит, как падают с колена спички – проклятое эхо...), беру руки Вани в свои ладони. Странные руки у меня, большие.

– Хочешь, Ваня, мы поговорим с главным супервизором прямо сейчас? – спрашиваю я, улыбаясь, как полная дура. Может, он кивает, а может, нет, я не вижу, и просто свожу его руки вместе, прижимая ладонями друг к другу. – Мы поговорим. Прямо сейчас. Повторяй за мной. Отче наш, сущий на небесах, да святится имя Твоё, да придет царствие...

Я роняю его руки. Откидываюсь на спинку кресла. Закрываю глаза и говорю:

– Прости, мальчик. Прости. Это ничего.

– Вам нужно что-нибудь? – шепотом.

– Ага. Сбегай за сигаретами.

И он бежит. Я вижу закрытыми глазами, как он бежит, скатываясь по лестнице кубарем, влетает в ночной ларёк, тормошит дремлющую продавщицу... Я это вижу. Я это сню.

Когда я наконец смогла уснуть, мне приснилась пустыня.

Жар раскалённых камней покусывает мозоли на моих лапах. Я иду низко пригнув шею, шерсть на загривке стоит дыбом. Я хочу есть и пить. Солнце припекает затылок. Мои глаза подёрнуты мутной плёнкой, но у меня острый слух и острый нюх. Я знаю, где я, и знаю, что там, впереди. Я иду на запах, неторопливо, уверенно. Я не лисица, мне некуда спешить и не надо быть осторожной. Мою добычу не надо ловить и выслеживать. Её надо просто взять. Просто прийти и взять. Вот она, я пришла и возьму её. Огромное гниющее тело, мне одной его не одолеть, зато я смогу насытиться. Это всё, чего я хочу, – есть. Я хочу есть и пить. Тут ещё много крови, и я лакаю кровь. Камень острый, но мой язык шершавый, я не поранюсь. Кровь, потом сладкое мясо. Много-много мяса. И всё мне одной, если только не подспеют стервятники.

Стервятники здесь – единственные враги гиены. Это будет мой страх.

И никаких лисиц больше. Никаких нор.

* * *

– Офигеть можно, – сказал Тимур. – Маш, и ты этого не замечала? Ничего не замечала?

– Я всегда говорила, что педагог из меня хреновый, – отозвалась я скучным голосом. Тимур покачал головой, а я добавила: – Ты бы на моём месте точно заметил. И сразу. Может, даже расколлот бы его.

– И он не говорил тебе ничего такого?.. И ты не чувствовала это по его снам?

– Говорю же, нет, – отрезала я и с вызовом посмотрела на Младшего, молчаливо наблюдавшего за мной из своего кресла. Стилус ноутбука в его руке похож на маленький тонкий нож. – Впредь вам наука принимать самоотводы.

– Всё равно поверить не могу, – сказал Тимур. – Такой сопляк... Он стал бы очень сильным Снящим. Явно не для нашей группы.

– Может, они его так проверяли, – предположила я. – Чтобы саботажничать, много ума не надо. А вот чтобы замести следы...

– Наследил он порядочно, – говорит Младший. Странная для него фраза – отрывистая и почти грубая. Я бы ждала от него скорее чего-то вроде: «Саботажник оставил некоторое количество неопровержимых улик, неопровержимо свидетельствующих его причастность и ля-ля-ля». – Всё, что он наснил, реализовывалось в одном и том же месте: лиственный лес в радиусе пятидесяти метров от оврага. Видимо, он создавал в сознании сон-оболочку лисицы, там всюду горы лисьего помёта и несколько нор. При том, что лисицы в этом лесу не водятся.

– Серьёзно напортачил? – поинтересовался Тимур.

– Как сказать, – Младший вздохнул. – Несколько необъяснимых смертей. Пара-тройка ям, из которых, вероятно, выкапывали что-то вроде клада...

– Там, где его отродясь не было, – хмурится Тимур. Его руки скрещены на груди.

– Спецприказов не поступало, – возразил Младший. – Значит, саботажник ликвидирован вовремя. Если что, в старших группах подправят.

– Мы и сами могли бы. Вырастили тут гниду, понимаешь...

– Это не в нашей компетенции, – коротко отвечает Младший, и мы закрываем тему.

В эту супервизию мы даже ничего не сним: нас собрали только для того, чтобы оповестить об отмене тревоги. Это вторая супервизия за неделю, в прошлый раз с нами на контакт напрямую выходил старший супервизор – снимал слепок снов-оболочек. Редкая мера, крайняя – на моей памяти её никогда ещё не предпринимали. Уже тогда стало ясно, что они собрали все необходимые улики и теперь просто ищут, кому бы их пришить, как менты ищут преступника по отпечаткам пальцев. А Ванюшка-то мой немало пальчиков оставил... В тот вечер он тоже был с нами. Стеснялся и никак не хотел садиться в общий круг. Жался на краешке кресла, повернув колени в сторону двери. Это стало его первой и последней супервизией.

Интересно, старшему супервизору понравилась моя гиена?

– Подожди меня, Мария, – говорит Игнат, когда я иду к лестнице. Младший с Тимуром уже внизу, негромко переговариваются: Тимур всё никак не может поверить. Такой сопляк, говорит... и такие упорные сны.

Я жду. Игнат неторопливо одевается, глядя в тёмное окно. Берёт зонт в левую руку (на улице нет дождя, но тучи собирались с самого утра), правую молча предлагает мне. Я опираюсь ему на локоть. Мы очень-очень медленно идём вниз.

– Ты не спросила, что с ним стало.

Не спросила, да? И правда. А зачем? Я это и так знаю. Вернее, знаю, что никто не скажет мне этого наверняка. Кроме того, что мальчишка мёртв – а остальное разве важно?

– Ты ведь отдавала себе в этом отчёт?

Он что, и впрямь ждёт ответа? Я крепче сжимаю его локоть, прикикая поуютнее к большому, надёжному мужскому телу.

– Не понимаю, о чём ты говоришь.

Игнат не остановился, не выругался, не оттолкнул меня. Даже не сбавил шага. И я вдруг с холодной, спокойной уверенностью поняла, что он давно знал. Может, с самого начала.

– Зачем ты это сделала?

Я фыркаю, не удержавшись.

– Милый мой, спроси-ка убийцу, зачем он подставляет первого попавшегося лоха. Затем что жить охота, вот зачем.

– Правда? Ты хочешь жить? Очень хочешь? – в его голосе нет издёвки, нет злости, даже осуждения нет. Он очень спокоен. Холодный мой, строгий. И что-нибудь, что рифмуется со словом «вечность». – Я спрашиваю, не почему ты подставила мальчика, а зачем ты берёшь заказы... на сны.

Он запнулся на секунду, словно не зная, как бы это правильнее назвать. Саботаж? Слишком формально, да к тому же – эвфемизм. Это не саботаж. Это терроризм. Самый натуральный, только это понимаешь, лишь когдаходишь во вкус.

– Что они тебе дают? – спрашивает Игнат, и я вижу, что он просто хочет знать. Просто не понимает и хочет, чтобы я ему объяснила. Я внезапно осознаю, почему он звонил мне несколько ночей назад. И почему он сейчас, здесь, со мной.

Я вздыхаю и на миг прижимаюсь щекой к его плечу.

– Как бы тебе сказать... – Это и правда оказывается нелегко – хотя для меня всё так просто и понятно. – Это... желания. И страхи. Их желания и страхи, с которыми они ко мне приходят. Был тут недавно один... я думала, он от Младшего, и послала его на хрен. Хотел, чтобы я его жену убила. Но, знаешь, если бы мне понравилось... если бы его желание мне понравилось, я бы сделала это. Несмотря на осторожность. Я должна быть осторожна. Да, – слегка откидываю голову и смеюсь. Смех летит между перилами к верхним этажам.

Игнат молчит какое-то время, потом спрашивает:

– О чём они обычно просят?

Я лисица... я рою землю. Когда я осторожно, аккуратно передавала Ивану свою сон-оболочку, он тоже рыл землю, и спросил меня, зачем. Что там, под землёй. Я соврала ему тогда, что это как старшие скажут. А на самом деле там может быть что угодно. Всё что угодно. Например, что-то твёрдое жёлтое без запаха. Несколько недель назад я нарыла десятикилограммовый слиток золота для человека, одержимого золотой лихорадкой. Когда он пришёл ко мне и распаковывал сигареты трясущимися руками, я знала, что ему не нужны деньги, что он просто поставит этот слиток у себя в подвале и будет протирать его мягкой тряпочкой. Суший фетишист. Это показалось мне забавным. Его дрожь, его жажда. Он был почти нищим, этот фетишист, ему даже нечем было мне заплатить, но я не взяла с него денег. Зачем мне деньги? Я просто нарыла ему это золото, и хотя лисица во мне не знала, что это такое жёлтое и без запаха она нашла рядом с мышьиной норой, я в лисице дрожала над этим золотом, я хотела его – я очень хорошо помнила, как это: хотеть...

Или бояться тоже. Мёртвое тело мужчины недалеко от лисьей норы. Пьяное убийство на пикнике. Убийца плакал как сущее дитя. И хотел, чтобы этого не было. Хотел, чтобы это пропало. Он боялся, но не суда, а собственных снов. Я забрала у него этот сон. Я сделала его своим. И тело исчезло – просто исчезло, как будто не было никогда ни его, ни человека...

Да, я знаю, это не просто против правил – это против законов природы. Там никогда не было никакого золота, и ни один материальный объект в природе не может просто исчезнуть без следа. Но я делала это. Их страсть и их страх делали это возможным для меня. Страсть и страх, которых сама я лишилась давным-давно.

– Это ничем не отличается от того, что мы делаем на супервизиях, – запоздало отвечаю я на вопрос Игната. Он чувствует, что я лгу, но его это, видимо, устраивает.

Мы выходим из подъезда и останавливаемся перед ступеньками, ведущими к дороге. Дождь всё-таки пошёл, частые тягучие капли барабанят по бетону под нашими ногами. Игнат раскрывает зонт, хлопок пружины звучит отрывисто, как пистолетный выстрел. Мы стоим под зонтом друг против друга и смотрим друг на друга. У Игната очень спокойное лицо. Он суёт руку за пазуху и достаёт прямоугольный конверт.

– Что это? – спрашиваю я, когда он вкладывает конверт мне в руку.

– Билет до Лондона. Тебя переводят туда. Младший сказал, чтобы это сделал я.

– Почему? – спросила я тупо, хотя надо было спросить совсем не это.

– Не знаю.

Какой он... спокойный. И правда ведь не знает. Ему всё равно. Он знает только то, что хочет. Он ведь Снящий, ему нельзя знать и хотеть слишком много.

Я приоткрыла конверт и заглянула в него. Конверт узкий, я разглядела только жёлтый корешок бланка страховки.

– Меня переводят в старшую группу?

Игнат почти улыбается. Но в этой улыбке тепла не больше, чем в воде, которая льётся с зонта ему на плащ.

– В старшую. В самую старшую, – говорит он мне, как ребёнку. А я правда ребёнок, я не понимаю ни черта... – Чему ты так удивляешься, Мария? Ты же сама сказала: мало устроить саботаж, надо суметь замести следы. Ты сумела. Не подкопаешься. Высший класс.

Надо сказать что-нибудь. Хоть бы матом, что ли, но язык у меня присох к нёбу. Дико хочется курить. Да, хочется. И выть хочется, и ткнуться этому прекрасному ледяному ублюдку лицом в грудь и реветь как белуга. Жутко хочется, только это не та жажда. Так хотят звери... и Снящие. Люди хотят другого.

– Знали, значит? – хрипло спрашиваю я, глядя ему за плечо. Ну конечно, какая же я дура, они не могли не вычислить Бориса – а может, он и сам раскололся, всё-таки лабораторный персонал наверняка подбирают не менее тщательно, чем самих Снящих. Но потом я слышу следующие слова Игната и понимаю, что всё ещё проще.

– Разумеется, знали. Ты правда думаешь, что не делала ничего особенного? Материализация и дематериализация, транспортировка удалённых объектов... Такое не может остаться незамеченным. Это чудеса, Мария, – в его взгляде на миг зажглось что-то, похожее на восхищение. Зажглось и тут же погасло. – Настоящие чудеса. Тех, кто снит реальность, – пруд пруди, но снящих чудо... вас мало таких. Ты и так засиделась в нашей глуши.

Почти нежность. Почти гордость. Почти уважение.

И какое же отвращение поверх всего этого...

– Зачем же ты спрашиваешь тогда?.. – говорю я всё так же хрипло. Взгляд Игната становится растерянным.

– Они там наверху всё решают. Мы просто присматривали за тобой. И не понимали. Лично я ничего не понимал. До сих пор.

– А теперь?

– А теперь я вижу, что ты.

Что. Что я. Что я такое. Слова – как кувалды, разламывающие виски.

– И что же я такое, Игнат?

– Ты вампир, – говорит он просто и безжалостно. – Раз нет собственных страхов и желаний, ты пьёшь чужие. Ты очень опасна. Думаю, они бы ликвидировали тебя уже давно, если бы не твои способности. Откровенно говоря, я считаю, что с ними ты ещё опаснее. Но это уж не мне решать. Самолёт у тебя завтра вечером, я бы на твоём месте не опаздывал.

– Игнат, у меня мама умерла, – говорю я. Странно, так мокро снаружи, вся спина уже вымокла – и так сухо во рту.

Игнат смотрит на меня.

– Она меня... бросила... И я жила с отцом. Он болел сердцем, и я всё время боялась, что с ним что-то случится. Страшно боялась, до одури: больниц этих, врачей, карет «скорой помощи». А больше всего боялась, что однажды ночью проснусь и не услышу его дыхания. Жутко боялась...

Игнат смотрит на меня. Я стараюсь, чтобы в голосе не звучало отчаяния, но ничего не могу поделать:

– И потом, когда я всё это наснила, я просто отрезать хотела, понимаешь? Я не так, как ты, я отрезала намертво, совсем! Чтобы не повторилось такого... больше. И у меня вообще ничего не осталось. Я совсем пустая была. Это невозможно терпеть...

– Возможно, – говорит Игнат, и в этот миг я понимаю, что совсем, совсем, совсем его не знаю. – Всё возможно стерпеть. Это вопрос самоконтроля. Отпусти мой плащ, будь добра.

Я разжимаю руки, отступаю на шаг, прочь от ненадёжной защиты зонта. Дождь с новой силой ударяет меня по голове и плечам. Игнат стоит неподвижно, его лицо в полумраке, и чёрная вода ручьями стекает с зонта.

– Не уходи, – это мой голос. – Я... я очень тебя прошу, не уходи сейчас...

– Ты мне никто, – говорит Игнат. А может быть, это говорю я. Или, возможно, все мы, каждый из Снящих, намеренно возводящих стену между собой и теми, кого не хочет потерять. А проще всего не терять то, чем не обладаешь.

Ты мне никто. И это звучит почти любя.

А дальше всё как обычно: он уходит к ночному шоссе, я стою, глядя ему вслед. Как обычно, просто в последний раз. Завтра у меня самолёт в Лондон.

* * *

Домой добралась быстро, на попутке. В квартире было холодно – отопительный сезон, как всегда, подкрался незаметно, а батареи включают только через пару недель. Ну да мне только эту ночь перетерпеть бы. Я отбрасываю намокшую от дождя занавеску, закрываю окно, ёжусь, потирая руки, чтоб хоть немного согреться. А вот теперь можно и покурить.

Пошла за сигаретами на кухню, впервые за долгие годы жалея, что у меня нет телевизора. Залезть, что ли, в Интернет, посмотреть погоду в Лондоне? Хоть бы только не дожди. Залезла, посмотрела. Нет, не дожди. Тепло и солнце. Отлично. Скорей бы завтра.

Скорей бы, скорей бы завтра.

Я сажусь в кресло, прикуриваю, глубоко вздыхаю. Чёлка лезет в закрытые глаза, надо бы постричься. Может, успею завтра перед вылетом. Вещей у меня всё равно немного, собирать по сути нечего. И прощаться не с кем. Не с Тимуром же? Я даже телефона его не знаю. Когда он меня учил, знала, а потом он сменил номер. А я сменила свою сон-оболочку. И он не знал про мою лисицу. Никто про неё не знал. Только Ванька. Иван Сергеевич Розаров, мда... Нехорошо-то как получилось. Я ведь думала, что шкуру свою спасаю. А оказалось – проходила тест на профпригодность. Бедный глупый мальчик... такой доверчивый. В тот первый раз, когда я была лисицей, а он – полёвкой, он снил понарошку, как солдат стреляет на тренировке холостыми, а я снила по-настоящему. Я стреляла боевыми. И всё-таки откусила ему голову. Я наснила ему всё, что будет дальше. От этой мысли я вздрогнула. Откусила голову? Ужас-то какой. Неужели... да нет, нет, вряд ли старшие супервизоры пойдут на такое зверство. Какой в этом смысл?..

Но тут я вспоминаю, как мне снилось, что я встаю и иду в комнату отца, и вижу его лицо, спокойное, улыбающееся во сне, такое безмятежное, потом подношу к нему руку, просто чтобы поправить подушку, и чувствую что-то неправильное... вот в этом и был мой страх. Я не знала, что это, во сне никак не могла понять: неправильно, неправильно, просто неправильно! Смерть не бывает правильной. Даже если мы её сним по заказу старших супервизоров, как положено. Я знаю, что эта мысль кощунственна: все мы в конечном итоге – просто исполнители воли главного супервизора, а уж ему-то виднее, и всё, что он задумает – верно. Нам остаётся только исполнить, не задавая вопросов, не думая о том, что могут существовать вопросы. Ох, конечно, главному супервизору можно жаловаться напрямую, но только он ведь никогда не отвечает ни на жалобы, ни на мольбы. По крайней мере мне никогда не отвечал. Как бы я ни просила. Может быть, это потому, что я не хотела по-настоящему. Я же не умею хотеть

сама. Хотеть своего. Не подсмотренного, не украденного – своего. Я уничтожила собственные желания, заменив на желания лисицы, – и сделала это охотно и радостно, чтобы больше никто не умер, как мой отец. Чтобы мама не умерла, как он. Я всегда так боялась её встретить – я была в панике, когда она меня наконец отыскала. Боялась, что возненавижу её или полюблю. И то, и другое было бы для неё смертным приговором. После того как она меня оставила, я всё время боялась потерять, и снила то, чего боялась. Поэтому проще было не бояться. Хотя, ох, нет, не бояться как раз было так трудно, невыносимо...

Дует от окна. Я же вроде бы его закрыла? Хочу встать и закрыть его, но... хочу... ох, хочу ли? Хотела бы – наснила бы. Окно бы захлопнулось само. Медленно и тихо, под взглядом глаз гиены, поблескивающих во тьме.

Провожу ладонью по щеке: сверху вниз, от виска к подбородку. Голова снова болит. Ладонь мокрая. Сигарета погасла. Надо вымыть руки, зажечь сигарету, закрыть окно. Надо... Хотела бы – наснила. Значит, не хочу. Такая вот логика Снящих. А другой нам не оставили. Или мы не оставили сами себе.

Я упираю локти в колени и плачу. Как дура, как Инга, Инга вот так же плакала, глядя на мои руки, она просила, чтобы я сделала что-нибудь, хоть что-нибудь, она же наша мать, она и твоя мать тоже... А ты не хочешь, ты просто не хочешь! А зачем мне хотеть? Чтобы сейчас она была жива, а я снова боялась её потерять? Я не хуже Игната, я тоже могу как он: не имея – не теряем! И столько лет этого казалось вполне достаточно! А чтобы утолить эту лютую жажду, у меня есть чужие сны...

Но только в чужом сне никогда гиене не увидеть мою маму. Мою маму, тихую, испуганную, поломанную, запутавшуюся, жалеющую себя, жалеющую меня... Мою маму, молодую, красивую, здоровую, да, совершенно здоровую, полную сил, среди зелёной травы, смеющуюся, счастливую, с тёплыми руками, со слабым огоньком вины в глазах, не надо, мама, я давно тебя простила... Только будь здесь, будь жива. Да, я знаю, что это невероятно. Знаю, что это чудо, что Снящие не вершат чудеса, только самые сильные из них, а я слабая, и мои чудеса – это только грязь и смерть. Но я хочу этого чуда, мама, если не этого, то не надо мне других чудес, ни леса, ни пустыни, ничего, только солнце, солнце, мама, и твои виноватые глаза...

Я сню, и я хочу увидеть это во сне, только это, Господи!

Я ничего никогда не хотела так сильно.

Ромашка

Есть такой конкурс – «Рваная грелка». Если вы завсегда с глобальной сети, то почти наверняка слышали о нём, а если нет, то могли читать сборники «Псы любви» и «Гуманный выстрел в голову», составленные из лучших «грелочных» рассказов. Правила просты и беспощадны: за трое суток написать рассказ на заданную тему. Дважды в год сотни сочинителей, среди которых как юные графоманы, так и матерые писатели, вязываются в эту чудовищную авантюру только ради того, чтобы в очередной раз проверить, а на что же они способны. Ведь хочется не просто написать, а чтоб потом стыдно не было. Это, знаете ли, вызов. И это, знаете ли, затягивает. И каждый раз удивляет.

Я вот, например, ужасно удивилась осенью 2004-го года, когда написала для «Грелки-8» аж целых три рассказа. Первый из них («Полтюбика жидкой удачи») удивил меня тем, что пробудил давнюю, нежную, но, казалось, почти забытую любовь к «Звёздной пехоте» Р. Хайнлайна, в которой я этим рассказом и признаюсь. Второй («Мраколюд») поразил тем, что я написала постебушку (совершенно чуждый мне жанр!), да ещё и на тему сделки с дьяволом, при том, что тему-то эту я терпеть не могу! Ну а третий, «Ромашка», нешуточно озадачил тем, что «порвал» «Грелку», то есть занял на конкурсе первое место.

Нет, всё-таки «Грелка» – это ужасно интересно...

Анька говорила только несколько слов: «любит», «не любит» и «ромашка». Ромашки она действительно очень любила, но последнее слово заодно служило обращением к Ромке. Он был единственным, к кому она прямо обращалась. Сам Ромка подозревал, что Анька знает гораздо больше, да и вообще соображает получше многих. Просто она была очень неразговорчивой. Тётя Лена говорила, что это по-научному называется «аутизм», и Анька всегда такая была. «Почему же они её не *выключили*, – думал иногда Ромка. – Зачем она-то им нужна. Какой им с неё прок...»

Но вслух он этого, конечно, не говорил. Анька вообще-то была хорошая – не болтала глупости и ничего от него не хотела. Не то что остальные девчонки во дворе – те вечно жизни ему не давали всякий раз перед очередным *выходом*, набивались в дом, визжали и всё чего-то клянчили: то колготки, то шоколадку, то ещё что-нибудь. А Анька сидела в своём уголке и беззвучно шевелила губами. Девчонкам Ромка привозил, что просили, но только чтобы не расстраивать тётю Лену – она и так считала, что он огрубел и очерствел на этой работе, и очень переживала, а ему не хотелось её огорчать. Всё-таки она ему с трёх лет была вместо матери. Мать Ромки умерла так же, как и его отец, и как ещё два с половиной миллиарда человек, просто и быстро, в одно мгновение, кто где – одни в своей постели, если на их полушарии была ночь, другие падали посреди запруженных улиц, на глазах тех, кто почему-то уцелел. Никто так до сих пор и не знал, что именно произошло – эти два с половиной миллиарда не умерли даже, они просто перестали жить. Словно их выключили.

Было известно только, что это сделали *Другие*, и больше ничего.

В день, когда у Ромки умерла собака, он был *на выходе*, и даже не смог сам её похоронить. Тётя Лена сказала, что дала Чаку старые консервы – они были просрочены и пахли неважно, так что есть их она побоялась, а выбросить пожалела. Пёс понюхал и вроде ничего, поел с аппетитом, а через час у него пена изо рта пошла, и к вечеру он издох. Тётя Лена закопала его на заднем дворе. Она плакала, рассказывая Ромке об этом, а он не утешал её, только с силой

стискивал зубы. Чак был псиной старой, но преданной. Кроме тётки Лены с Анькой, у Ромки только и было дорогих существ, что Чак. Ну, ещё Женька, но Женька не считается.

На заднем дворе Ромка без труда нашёл клочок взрыхлённой земли. Анька сидела не на своих любимых ржавых качелях, а как раз возле этого клочка, на обломке бетонной плиты, и обрывала лепестки ромашки. Ромашка была большая, ещё сочная – Анька вытащила её из букета, который притащил Ромка. Каждый раз, отправляясь *на выход*, он приносил ей букет ромашек. Теперь они росли только там, за невидимой стеной. Стены на самом деле не было, но любой, кто пытался самовольно покинуть город, падал на землю, будто подкошенный, и больше не поднимался. А там, снаружи, никто не умирал. И туда *Другие* пускали избранных работать и получать заслуженную награду – продукты, одежду, медикаменты... и цветы. Хотя цветы не считались частью пайка – они просто росли себе, чаще всего в трещинах на заброшенных асфальтовых дорогах. Никто из «счастливчиков», как называли тех, кого *Другие* выпускали из городов, на цветы внимания не обращал – не до того было. А Ромка всегда находил минутку, чтобы нарвать для Аньки ромашек. В конце концов, это нетрудно, а она их так любила.

– Ромашка, – сказала Анька, увидев его. Ромка кивнул, пытаясь улыбнуться, потрепал её по русой макушке.

– Привет, дурёха. Всё сидишь тут?

– Ромашка, – повторила Анька и снова уткнулась в свой цветочек. Рыхлая тёмная земля на могиле Чака была усеяна белыми лепестками.

Ромка постоял, вода носком ботинка по земле. Он старался думать о Женьке, но почему-то эти мысли не приносили ему радости.

– Хорошо тебе, – вдруг сказал он вслух, не поднимая головы. – Тебе хорошо, тебе всё равно. Тебе не надо туда ходить, видеть рожи эти... они как человеческие, точно, но в то же время и не такие. Не надо болтать с ними, строить дома эти их дурацкие, потом волоочь рюкзак с консервами и чувствовать их взгляды на затылке...

– Любит, – сказала Анька и оторвала последний лепесток.

– Ром, расскажи чего-нибудь.

– Не хочу.

– Ну расскажи-и...

Женька была красивая девчонка и вовсе не шлюха, что бы о ней ни болтали пацаны, которым она не давала. Ромке с ней было приятно, хотя и не так спокойно, как с Анькой. Только он и представить не мог, чтобы Анька выделявала такие фокусы, как Женька. Не потому, что не умела, просто Ромка воспринимал её как сестру. Хорошо бы Женька была такой же немногословной.

– Расскажи, – потребовала она, теребя его за голое плечо.

– Да ведь всё уже сто раз рассказывал.

– Ну я ещё хочу. Ты же знаешь, в нашем дворе счастливчиков больше нет...

– Вот ты мне лучше скажи, – медленно проговорил Ромка, глядя в пасмурное летнее небо. – Какого чёрта вы называете нас счастливчиками?

– Глупый. Ты живой. Тебя точно никогда не *выключат*.

Это правда. Тех, кто уцелел после общего мора, продолжали иногда *выключать*. Просто так, без видимых причин. Шёл себе человек по застывшему в вялом страхе городу – а потом вдруг лёг и умер. Или умер и лёг. Когда как. Нечасто, но это случалось. И никогда – с теми, кого *Другие* выпускали за пределы городов. Те не умирали. Во всяком случае, так.

– А ещё ты можешь работать, – вздохнула Женька. – И тебе за это платят. Это, наверное, радость.

– Коммунистка дурная, – фыркнул Ромка, хотя здесь поспорить было трудно. Он действительно не просто так приволакивал домой подарки *Других* – он зарабатывал их. Согнав остатки

человечества в колонии, *Другие* строили там, снаружи, новые города – и восстанавливали старые, пришедшие в запустение после того, как большая часть их жителей погибла. Ромка подозревал, что *Другие* могли бы справиться с таким делом и сами, но они предоставляли возможность работать. Не заставляли, не гнали в рабство – предлагали. Некоторым. Счастливым. Можно было отказаться. И даже не обязательно после этого умереть. Ромка, когда ему предложили, отказываться не стал. Он был единственным работоспособным мужчиной во дворе. И считал, что ему повезло.

Только его не покидало ощущение, что всё это неспроста.

– Рома, – сказала Женя, кусая хилую травинку, – а у меня ребёнок будет.

Стебелёк в её зубах напомнил Ромке про Аньку. Мысль была как никогда нелепой и несвоевременной.

– Блин, – сказал Ромка.

– Ага. Третий месяц уже. Ром, я боюсь. Куда нам?..

– Ну ничего, – помолчав, сказал Ромка. – Я, в конце концов, счастливчик. Работать буду больше. Вытянем.

– Ром, а я тебя люблю, – сказала Женька.

– Знаю, – ответил Ромка.

«Любит», – подумал он, и почему-то это слово в его голове прозвучало анькиным голосом.

На выход он отправлялся раз в две недели, и неделю проводил там. Принесённых запасов хватало обычно всему двору на месяц. Это не было тяжело. Ромка иногда думал, что ему и правда повезло.

Если бы только ещё не надо было смотреть в лица этим, *Другим* ... То есть это не лица были, а что-то вроде голограмм, напоминающих людей. *Другие* одевали эту маску, потому что их реальная форма не имела ничего общего ни с гуманоидами, ни с любыми другими известными человеку формами жизни. Смотреть на эту оболочку было не страшно, но жуть брала при одной мысли о том, что может за ней скрываться.

И ещё Ромка всякий раз тревожился, оставляя дом. Хотя в конце концов, неделя – это совсем немного. Ничего особенного не могло случиться за неделю. Во всяком случае, теперь – не случалось, ну, только иногда оказывалось, что кого-то из знакомых *выключили*. Но всё дальних, тех, кого он давно не видел.

Так раньше всё время было.

Тётя Лена всегда его встречала после возвращения из *выходов*, всегда обнимала, плакала – Ромка знал, что от благодарности.

А в этот раз не от благодарности. В этот раз просто плакала.

– Тётя Лен, случилось что-то? – высвободившись, спросил Ромка. – Что-то с Анькой?

– Случилось, Рома, – всхлипнула та. – Нет, не с Аней... с Женей твоей.

Ромка ничего не почувствовал – должен был, а не почувствовал.

– Нет, не *Другие* ... Во дворе в потёмках упала, споткнулась. В больнице сейчас. Там лекарств не хватает. Ты лекарств в этот раз не принёс, Ромочка?

Он не принёс лекарств. Зато принёс ромашки – как обычно. Пышный букет душистых полевых ромашек. От черты города до дома надо было пять километров идти пешком, но цветы ещё не завяли, и рассеивали вокруг свежий, сладкий запах лета.

Анька подошла, вытянула из поникшего в одереветневших Ромкиных руках букета цветок. Взялась за шелковистый лепесток бледными пальцами, оторвала.

И сказала:

– Не любит.

Женька поправилась. Девка она крепкая была. Потом, правда, плакала, но почти с облегчением. Всё-таки она очень боялась становиться матерью – в нынешнем мире это было бы безрассудно. Ромка это понимал, и всё равно ненавидел её. За это облегчение. И за то, что она не умерла.

– Я тебе ещё рожу, Ромочка, – бормотала она между поцелуями. – Рожу тебе хорошенького мальчишка, или даже двоих...

«Не любит она меня, – подумал Ромка, окаменев под её неуклюжими ласками. – Права Анька, не любит».

В следующий раз, во время *выхода*, он сказал одному из *Других*, что хочет работать на постоянной основе. Некоторым счастливчикам такие разрешения давали – вокруг восстанавливаемых городов уже росли крохотные лагеря. В старых городах о них знали мало, и в Ромке росло неприятное смутное чувство, что эти, самые новые, как он их про себя называл, в итоге наследуют то, что *Другие* оставили от Земли. Что это всё просто такой изощрённый многоступенчатый отбор, который можно пройти, только если очень повезёт.

В этот раз ему не повезло. «Ответ отрицательный», – прощёлкал *Другой*, и Ромка вернулся к своей работе. Об этом случае он никому дома не рассказал. Нечем было хвастаться... и он не был уверен, что они бы его поняли.

Через месяц после выкидыша Женька заболела. Это не было связано с осложнениями и сначала походило на обычный грипп. Её сразу забрали в инфекционку – в городах теперь страшно пугались любой угрозы эпидемий. Ромка не видел её до самого конца. Им даже тело не отдали – тела теперь жгли в больничном крематории. Можно было, конечно, выклянчить, точнее – выкупить горсточку пепла, но Ромка не стал этого делать.

Вечером следующего дня он сидел на обломке бетонной плиты во дворе, у могилы Чака, и разглядывал маленькие следы детских подошв на потускневшей земле. Кое-где уже пробивались стебельки травы, тусклые и безжизненные.

Анька раскачивалась на своих ржавых качелях и обрывала лепестки ромашки. Ромашка была поникшая и вялая – в этот раз Ромка забыл нарвать свежий букет. Никогда раньше не забывал, а теперь забыл.

Они сидели очень долго. Анька, как всегда, молчала, только ржавые качели стучали: «дрынг, дрынг».

– Ты же всё знаешь, – сказал Ромка. – Ты всё знаешь и понимаешь, куда больше, чем другие. Вот скажи: почему так? Что я неправильно делаю?

Анька не подняла головы. Мокрые белые лепестки вяло взмывали в воздухе и оседали на железном остове качелей, приликая к ржавчине.

– Почему это всё так – сначала Чак, потом Женькин ребёнок этот, и Женька... Почему именно так? Почему их просто не *выключили*? Мне было бы легче, если бы их просто *выключили*... Оно было бы... привычно... А тут...

«Дрынг-дрынг», в густой тревожной тишине – только и всего.

– Все вот говорят, что мне повезло. А там правда хорошо, Анька. Там солнце. Там трава зелёная. И ромашки. И красивые города – мы их делаем снова красивыми. И для себя делаем. Нам сказали, что потом, когда всё закончится, мы сами снова сможем жить в этих городах. Только мы, те, кто строили. Знаешь, мы, счастливчики, никогда ведь между собой не разговариваем. Боимся удачу спугнуть. Мы не знаем, почему нас выбрали, почему именно нам подарили... это всё... Почти нормальную жизнь. Хорошо так... А тут... гнилое всё, Аньк... а давай я тебя заберу. Когда всё закончится. Давай? Пойдёшь со мной? Там просто до фига твоих ромашек. Тебе понравится...

– Любит, – сказала Анька.

Ромка посмотрел на жёлтую сердцевину цветка в её руке. Общипанную, голую, убогую, похожую на маленькое погасшее солнце.

– Любит, – согласился Ромка и, поднявшись, пошёл к Аньке.

Губы у неё были сухие, искусанные, покрытые острой твёрдой коркой, и их было почти больно целовать.

Каждый раз ему хотелось возвращаться всё меньше и меньше. Потому что всё меньше и меньше оставалось того, к чему хотелось бы возвращаться. И он всё чаще забывал нарвать для Аньки ромашек. Носил другое – красивые шмотки, сладости, косметику, которой она не пользовалась. А ромашки почему-то забывал. Постоянно.

В августе тётя Лена не встретила Ромку в воротах. И никто не встретил. Никто и ничто. Даже дома не стало – ещё с другой стороны квартала Ромка увидел на месте родной пятиэтажки обугленный остов с бесформенными провалами пустых окон. Вокруг не было ни души, запах гари уже улёгся, и Ромка понял, что дом сгорел давно – наверное, несколько дней назад.

Он дошёл до перекрёстка, остановился, снял с плеч рюкзак, встал на колени и заплакал. Ромка часто плакал по ночам, в подушку, когда никто не мог его видеть – а сейчас ему было всё равно.

Когда в груди перестало kloкотать, он неловко поднялся, бросив рюкзак посреди пустой дороги, и побрёл во двор. Всё было чёрным – земля, ворота, качели и обломок бетонной плиты возле стены дома. Ромка остановился у плиты, замер на миг, потом в ярости врезал по ней ногой. Ступня взорвалась болью, и Ромка закусил губу. А потом прохрипел:

– Ненавижу. Счастливчик, бя... Ненавижу! За что мне всё это?! За что?!

– Не кричи, Ромашка. Не надо на них кричать.

Он развернулся так круто, что едва не упал.

Анька сидела в самом дальнем углу двора, за выступом стены, будто прячась от чужих взглядов. На ней было голубое ситцевое платье, покрытое пятнами копоти, давно не чёсаные волосы падали на грязное лицо. А по горелой земле были рассыпаны увядшие трупики общипанных ромашек. И много-много белых лепестков.

– Не кричи, – повторила она. – Не надо. Они не виноваты. Не знают они.

– А... – Ромка понял, что не может выдать ничего связного, и умолк, потрясённо глядя на неё.

– Мы для них цветы, – сказала Анька. – Цветы. Растения. Неразумные. Но красивые. Нас жалко. И нам нужны удобрения. Есть сорняки, их надо выкорчевать сразу. Есть другие, полезные. Есть красивые, для них надо сделать сады. А ещё есть ромашки.

Ромка неотрывно смотрел на неё. А она смотрела в землю, на мёртвые цветы. Подол её был платье вымазан тёмно-зелёным травяным соком.

– Есть ромашки, – повторила она. – Они особенные. Они приносят удачу. На ромашке можно что-то загадать, на счастье. И отрывать по лепестку. Когда ты отрываешь лепестки – ты же не думаешь, что ромашке больно. Ты думаешь только: любит – не любит. Ромашка тебе нужна только для этого.

Она подняла голову и взглянула на Ромку. Глаза у неё были тёмно-серые и абсолютно пустые.

– Мы сорняки, – сказала она. – А ты ромашка.

– Аня, что ты... – дар речи вернулся к Ромке, и силы тоже, но он всё так же стоял в десяти шагах от неё. – Ань, ты ведь... говоришь...

– Говорю, Рома. Я всегда могла. Просто я её всё время слушала. Другую. С самого начала. У них время течёт гораздо медленнее. Та Другая – маленькая девочка и гадает на ромашке. Она гадает, а я слушаю. Это было так... ну, у меня сил не оставалось. Ни на что больше. Даже тебя предупредить. Хотя о чём тут предупреждать?

– А... теперь?

– А теперь она замолчала. Я ей сказала, что не могу больше. Что она должна перестать. Что ромашке очень больно, когда ей обрывают лепестки. Она так испугалась... И перестала со мной разговаривать. Она ничего не понимает, Ром. Она... такая маленькая ещё.

Анька вдруг уставилась на свои руки, будто впервые их увидела. Прерывисто вздохнула и умоляюще протянула к Ромке грязные ладони.

– Ром, я столько этих ромашек оборвала, – жалобно сказала она. – Ты мне их носил и носил, а я... столько их оборвала! Что же я наделала, Рома? Что я наделала?

Он медленно подошёл к ней. Опустился на колени. Сухие губы Аньки дрожали, и невымытые космы волос, и ресницы – дрожало всё. Ромке захотелось обнять её, прижать к себе, крепко, яростно. «Ты же мой последний лепесток, – подумал он, – ты осталась последняя, и если эта глупенькая, испуганная *Другая* тебя оторвёт, я останусь таким маленьким и убогим... Но пока что ты есть. Пока что ты есть. Ты, последний лепесток...»

И та девочка, племя которой выкорчёвывает человечество – она уже знает ответ на свой вопрос.

И мы знаем тоже, да?

– Не страшно, Ань, – сказал Ромка. – Это ничего. Ничего... Смотри.

Он поднял вялый общипанный стебелёк, с третьей попытки подцепил ногтем лепесток с обугленной земли. Приставил почерневшее основание лепестка к желтой сердцевине ромашки, аккуратно вставил между свалявшимися тычинками и чашечкой.

Убрал пальцы.

Анька подалась вперёд всем телом, упёрла руки в колени. Её дыхание было шумным и частым, и надрывным, будто она хотела что-то сказать и не могла.

И они сидели вот так вдвоем посреди сожженного мира, смотрели на одинокий лепесток, и верили, правда верили, что он не упадёт.

Мраколюд

...И был дым, и было пламя, и был грохот, и разверзлась земля, и небо изрыгало молнии, и понял Егор, что последний литр вчера был лишним. В этой мысли он укрепился, когда обнаружил себя стоящим в некоем не поддающемся внятному описанию помещении, в центре нарисованного мелом знака, подозрительно напоминающего огромное сердечко. Это если встать к двери спиной, а если лицом, как стоял сейчас Егор, то картинка напоминала не сердечко, а... перевёрнутое сердечко! А не то, на что оно похоже.

Но это ещё полбеды, потому что перед сердечком на коленях стояло некое странное существо, подозрительно напоминающее чёрта, и истово било земные поклоны. Не сердечку, как запоздало понял Егор, а ему. Егору то есть.

– Изыди, – неуверенно сказал Егор, не очень хорошо понимая, что происходит, но уже заинтересовавшись. Таких глюков с бодуна у него ещё не случалось.

Существо немедленно вскинуло клиновидную голову и усиленно задрожало, всем своим видом демонстрируя религиозный ужас. Оно и правда было похоже на чёрта куда больше, чем Егору хотелось бы – как есть, рогатое, хвостатое и парнокопытное. Только почему-то в зелёном медицинском халате – вроде как в американских сериалах бывает.

– О Человек! – вскричал чёрт хорошо поставленным баритоном. – Урони свой Высокий Взгляд на ничтожного червя и выслушай, ибо для того ты призван!

– Не понял, – слегка обалдев, деликатно встрял Егор. – Ничего не понял, простите великодушно... Вы чёрт?

Бесовское отродье озадаченно моргнуло. Затем на его продолговатой мордочке обозначилось понимание.

– С банкета выдернул... – пробормотал он и с грохотом впечатал лоб в чёрный пол, аккуратно у основания сердечка. – Не погуби, Твоё Благородие!

– Погублю и зверски, если сейчас же не объяснишь, в чём дело! – пригрозил Егор, сильно боясь, но не менее любопытствуя. В конце концов, глюк – он всего лишь глюк, вреда не причинит.

– Двести лет я изучал тайные книги Человеков, – забубнил чёрт, мерно отбивая ритм башкой об пол.

«Почти рэп», – удовлетворенно подумал Егор.

– Книги были заумные и разумению моему не всегда понятные: «О природе вещей», «Капитал», «Вероника решает умереть» и иные столь же премудрые. И было моей целью призвать Человека, и призвал я его! Так что теперь не изволь ерепениться, а делай, что попрошу, и требуй взамен, что там у вас в таких случаях полагается!

– Погоди-ка! – осенило Егора. – Ты что, меня вызвал... ну, как мы чертей вызываем?!

Чёрт поднял голову и всем своим видом изобразил предельное умственное напряжение.

– Не ведаю, о чём глаголешь, – молвил он растерянно. – Но каждому чёрту известно, что, если нарисовать на полу Тайный Знак и произнести заклятья из Тайных Книг, можно призвать Человека, который...

– Понятно, – кивнул Егор. – Круто! Не поверишь, а у нас некоторые призывают вот так чертей... Ну, и чего тебе от меня надо?

Чёрт озадаченно заморгал.

– Как обычно, Твоё Благородие... Прокляните, если не затруднит.

– Чего?!

– А чего? – в свою очередь испугался чёрт. – Нельзя? Ну, я же не прошу ничего особенного. Мне не надо Великой Напасти и Чудовищного Мора, так, маленькое рядовое проклятие... Всего лишь в лотерею проиграть, ну хоть разочек...

- Проиграть в лотерею? Зачем это?
- Да всё время выигрываю, ну не везёт, хоть тресни! – пожаловался чёрт горько. – То кирпич на башку, то с работы уволят, то жену с другой бабой застану...
- Стой! – заорал Егор. – Ни черта... прости, ничего не понимаю уже! Что, у вас в лотерею несчастья выигрывают?
- Ну... да, – кивнул чёрт. – А у вас разве нет?
- Дык... а просто не играть не пробовал?
- Как – не играть?! – обалдел в свою очередь чёрт; по странному блеску в его глазах Егор понял, что теряет авторитет. – А как же азарт! Риск! Адреналин!
- Гм... – на это Егору нечего было возразить. – Так что ж, ты хочешь от меня проклятие, чтобы не выигрывать больше?
- Ага! – закивал чёрт, радуясь, что его наконец поняли. – Совсем такое маленькое проклятие!
- А почему от меня?
- Так ведь всем известно, что никто лучше Человеков проклинать не умеет! Об этом и в книгах ваших написано.
- Это в каких? – подозрительно спросил Антон.
- Ну... – чёрт потупился, будто нерадивый студент на экзамене. – Ну вот, недавно совсем читал, как же её... «Дженерэйшн Пи»?
- А, – промямлил Егор. – Ну, это да... если так... то это мы умеем... А мне что за это будет?
- Что скажешь, – послушно отвечал нечистый.
- Егор растерялся.
- Ты ж небось душу потом потребуешь, – подозрительно сказал он.
- Душу? – удивился чёрт. – А! Это ваши апокрифы... их я тоже читал. На всякий случай. Только их же еретики ваши писали. Это каждому чёрту известно. Среди рядовых Человеков эти мифы ещё сильны, но... – в голосе беса зазвенело подозрение, – ...чтобы Человек Призванный верил в такую чушь...
- Я просто так спросил, – быстро сказал Егор. – М-м... а мне ты можешь организовать... удачу? Ну, как я тебе, только наоборот?
- Не могу.
- Э-э... а молодость там вечную? Бессмертие? Много-много денег? Вина красного и бабу рыжую?
- Не могу, – монотонно отвечал чёрт после каждого предложения.
- Почему?!
- Потому что на это тоже учиться надо. А я учился на вызовы.
- Так что я, мальчик по вызову? – взъярился Егор.
- Не мальчик. Человек, – дотошно поправил чёрт.
- Егор крякнул и проклял эту сволочь – от души и заковыристо. Чёрт слушал, уронив зубастенькую челюсть, а потом добавил к монологу Егора финальный аккорд, стукнувшись лбом в основание сердечка.
- Благодарствую, Твоё Благородие! – завопил он. – Проси теперь, проси, бери что пожелаешь!
- Что с тебя взять-то, если ты ничего дать не можешь? – досадливо сказал Егор и задумался. Возвращаться с пустыми руками страсть как не хотелось. Он попытался припомнить, что в таких случаях обычно требовали черти и демоны из известных ему сказок. Ничего толкового не придумывалось.
- Ладно, – сказал Егор неприязненно. – Тогда так. Отдашь мне то, о чём не знаешь. Понял?

Черт часто-часто заморгал, силясь постичь суть подковырки. По его осоловелой рожице Егор понял, что фольклор Человеков не входил в обязательную программу потусторонних мракобесов... то есть мраколюдов.

– По рукам, – растерянно кивнул чёрт.

– Ладно, теперь обратно меня отправляй.

– А ты сам не можешь? – удивился чёрт. – А, тебя же Тайный Знак держит! Ты из него выйди, и всё. Только, погоди! Я уйду сначала. Боюсь я тебя...

– Ну и зря, – дружелюбно сказал Егор и, подождав, пока чёрт выскочит за двери, переступил через меловую линию...

...Надрывно звонил будильник. Егор зевнул, потянулся и ткнулся рукой в ножку тумбочки. Заснул он, оказывается, на полу.

Заковыристо прокляв и будильник, и тумбочку, Егор вскарабкался на незастеленную кровать. Надо было на работу, поэтому работу Егор тоже проклял, и тоже весьма заковыристо. К сожалению, в этом мире проклятия Человеков никакой сверхъестественной силой не обладали.

«Чего-то он мне там отдал?» – лениво подумал Егор и усмехнулся, но тут же замер, услышав доносящийся из шкафа задушенный писк.

Он напрягся, пытаясь вспомнить, что обычно следовало в русских сказках за требованием демона «отдать то, о чём не знаешь». Не вспоминалось просто из принципа.

Чуя неладное, Егор прошлёпал к шкафу и распахнул дверцу.

На полочке для обуви сидел чертёнок. Махонький, кажется, новорожденный, похожий на крохотную обезьянку. Он отчаянно пищал, неуклюже подпрыгивая, и казался напуганным до смерти.

– Ах ты ж мать-перемать! – завопил Егор, и чертёнок, радостно заверещав, протянул к нему маленькие чёрненькие ручонки.

...А с другой стороны, это оказалось не так уж плохо – иметь ручного чёрта. Знакомым Егор сказал, что ему дядя из Зимбабве привёз редкую разновидность мартышки. Начальник даже продать просил экзотичную животинку, но Егор, подумав, отказался. «Ничего, – утешался он, теребя лохматого за рожком, – вот вырастешь ты, я тебе умных человеческих книг притащу, выучишься на исполнение людских желаний. Тогда посмотрим...»

А пока он старался следить, чтобы чертёнок не называл его «папой» на людях.

Полтубика жидкой удачи

Мы знали, что идём умирать. Ну, не уверен насчёт других – а я знал совершенно точно. Понял это, уже когда увидел снимки поверхности этой проклятой планетки. У неё даже названия не было – только номер в общем реестре небесных тел, F-4191. Не знаю, было ли бы мне легче и приятнее подышать на какой-нибудь Новой Терре или Сумеречном Сиянии, но в тот момент в голову лезли такие вот идиотские мысли.

– Что о них известно? – спросила Марго. Она смотрела в панорамный иллюминатор, как и все мы, но, кажется, оставалась одной из немногих, кто ещё мог соображать. Не повезло – но ничего не поделаешь, ей по званию положено.

– Мало хорошего, – ответил Стэйлс. – Их ещё не успели изучить. Они совсем недавно стали такое вытворять. Раньше изредка выходили на поверхность поодиночке, вели себя тихо. Местные пугались, конечно, но конвенция...

– Угу. Конвенция, – замогильно сказал Финч. Я довольно хмыкнул: мы с ним похоже мыслили. Я тоже подумал: «Угу, конвенция», только ещё мат между словами вставил. Не ставший привычным англоязычный эвфемизм, а родной ядрёный русский мат, ибо только им можно было охарактеризовать постановление о запрете любой агрессии по отношению к инопланетной фауне. Если бы не эта «угу, конвенция», может, инстинкт самосохранения поселенцев сработал бы при одном виде этих тварей, и сейчас здесь не было бы ни их, ни нас. Но нет, есть «угу, конвенция», и следовало дожидаться, пока местная фауна попрёт из-под земли полчищами, уничтожая всё, что незнакомо пахнет. Видимо, эти зверушки умнее нас, раз у них нет никаких конвенций по защите инопланетных форм жизни.

– Но хоть как-то с ними справиться можно? – спросила Марго. Стэйлс кивнул, и мне стало чуточку полегче, хотя зрелище полыхающей огнём долины на дополнительном мониторе по-прежнему не вселяло оптимизма.

– Ничего особенного. Форма жизни, близкая к земным членистоногим, только в пару десятков раз побольше, панцирь легко пробивается пулями и прожигается огнём...

– Жукеры, – сказал Финч.

Марго обернулась к нему, вскинула тонкие рыжие бровки – небось, и сама-то была рада переключить внимание.

– Был такой старый фильм. Фантастика, – пояснил Финч, и я кивнул, тоже что-то такое припоминая. – Мыслящие насекомые, матка в качестве мозгового центра расы...

– Ерунда, – в голосе Стэйлса звучало раздражение. – Это не раса. Просто примитивная форма жизни.

– Ты-то откуда знаешь?

– Для всех нас будет лучше, если мы на этом порешим, – сказал Марго и снова взглянула на панораму. – Потому что не знаю как вам, ребята, а мне не хочется думать, что оно ещё и соображает.

Ей никто не возразил. Впрочем, сложно было заметить в действиях тварей, которых Финч окрестил жукерами, хоть какую-то логику. Они просто копошились на поверхности ими же разрушенной нефтедобывающей станции, и больше всего эта картинка напоминала муравейник под микроскопом. Сложно было сказать, сколько их – они облепили всю видимую область, включая саму буровую установку. Счёт тут шёл как минимум на сотни. А нас было всего сорок человек. Вроде бы и не надо больше, чтобы эвакуировать уцелевшие остатки поселенцев – потому что осталось-то их, по последним данным, около ста... Но никто не говорил, что нам надо будет передавить всю эту дрянь, чтобы до них добраться. И неудивительно, что не говорил – мы бы тогда не прилетели. Наплевав на приказ. Уж я бы по крайней мере точно наплевал.

Впрочем, что мне мешает сделать это сейчас?

– Вы как хотите, а я туда не сунусь.

На меня посмотрели все, кроме Марго. Она даже не обернулась.

– Не сунусь, – упрямо повторил я. – И ребят своих не пущу. Что я, псих?

– Все русские психи, – сказал Финч.

– Значит, не все. У вас что, повылазило? Вы хоть примерно представляете, как с ними можно справиться?

– Эх, выжечь бы всё это к чёртовой матери... – проговорил Финч. – Как в долине сделали...

Долина полыхала до сих пор – термосканер показал, что людей там не осталось, и мы с лёгким сердцем залили покинутое поселение огнём. Мы уже тогда знали, что земляне – те, кто выжил после внезапной атаки этих тварей – укрылись в поземных ярусах буровой установки, находившейся неподалёку. В итоге они оказались в ловушке, причём имели гораздо больше шансов умереть не от голода, а от челюстей жуков – с поселенцами сохранялась связь, и время от времени связист истошно орал в микрофон, что со всех сторон доносятся звуки разгребаемой земли, и они всё ближе.

Выжечь к чёртовой матери было, действительно, легче всего, но тогда поселенцы поджарились бы вместе с жуками. А нас прислали сюда их спасти.

Кого б теперь ещё прислали спасти нас...

На заманчивое, но неконструктивное замечание Финча Марго даже не отреагировала.

– Стэйлс, что нам понадобится?

Наш биохимик вздохнул.

– Удача, капитан. Много-много удачи. В индивидуальных пакетах. Стерильная. Не просроченная.

– Смешно, – сухо констатировала Марго. – А ещё?

– Ещё вера в Господа Бога. Пожалуй, всё.

Марго яростно клацнула зубами. Темперамент у нашей девочки был тот ещё.

– Ладно, – наконец сказала она. – Тянуть уже некуда. Попробуем расчистить коридор. Сержанты, готовьте отряды к десантированию.

– Без меня, – сказал я. – Повторяю: я пас.

Теперь она соизволила на меня глянуть – полоса пламени из огнемёта по сравнению с этим показалась бы лёгкой щекоткой.

– В другое время, Погожин, я бы отправила тебя на гауптвахту за пререкания с офицером. Но у меня сейчас каждая голова на счету. Пойдёшь в авангарде.

– Сама пойдёшь! – заорал я. – Давай, блин, хоть гауптвахта, хоть трибунал! Подышать там я не намерен!

– Тогда подохнешь здесь и сейчас, – сказала она и направила мне в лоб свой именной пистолет.

– Так, ладно, хватит вам, – Стэйлс встал между нами, и дуло пистолета оказалось направлено не мне в лоб, а ему. Я сразу почувствовал себя уютнее. – Времени на это нет.

Марго посмотрела на него, убрала оружие. Я почувствовал себя обманутым. Ну почему он всегда так легко с ней справляется? Да знаю, почему... и сам не прочь попробовать этот способ налаживания контакта с капитаном, но она что-то не особо жаждет.

– Погожин и Финч, вы расчистите путь к станции. Когда проберётесь внутрь, соберёте людей и подведёте к выходу. Мы вам подготовим путь обратно. Если немного подфартит, уже через час мы уберёмся с этой планеты.

Я витиевато обматерил её – на английском, чтобы точно поняла. Капитан снова изогнула рыжую бровку.

– Закончил? Вернёшься, на гауптвахте таки отсидишь.

– Вернёшься, ага, – огрызнулся я. – Поводом больше не вернуться.

– Видишь, всё к лучшему. Разойтись.

Мы вышли из капитанской рубки, и я обернулся к Финчу за поддержкой, но он сосредоточенно смотрел перед собой, видимо, продумывая тактику прорыва. Я понадеялся, что ему пришла или вот-вот придёт гениальная тактическая мысль, потому что у меня не было даже самой завалящей.

– Повезло им, – проговорил вдруг Финч, и я понял, что думал он тоже совсем не о том, о чём надо.

– Кому? Жукам?

– Поселенцам. Вовремя мы пришли. Видел снимки – пару часов назад этих тварей тут вдвое больше было. Может, и справимся...

– Да уж, повезло, – сказал я зло и сплюнул себе под ноги. – Редкая удача выпала. А нам за их удачу платить своими шкурами.

– Будешь ныть, я тебе морду набью, – тоскливо пообещал Финч.

– Когда вернёмся, ладно? Чтоб ещё одним поводом не возвращаться больше стало.

– Как скажешь.

Его спокойствие меня бесило. Что он, не понимает, что ли, что не пробьёмся мы туда? А если и да – то не пробьёмся обратно... Потому что два раза подряд не может так везти.

Может, удача и входит в индивидуальный пакет десантника, но лишь в единственном экземпляре.

– Мать, мать, мать, – монотонно твердил Финч, и мне очень хотелось попросить его заткнуться, потому что мой внутренний нецензурный монолог был куда более изощрённым, и это бормотание меня сбивало.

– Сколько ж вас тут?! – наконец проревел Финч. У него была рассечена рука – до самой кости, и он пребывал не в лучшем расположении духа.

Горстка грязных и измождённых людей сбилась в кучку, похоже, больше испуганная видом и выражением лиц своих спасителей, чем испытаниями предыдущих дней. А мы и правда выглядели неважнецки – те, кто всё-таки сюда прорвались. Отряд Финча сократился вдвое, я потерял пятерых. И всё для того, чтобы, обшарив все закоулки ярусов, обнаружить это...

– Сколько вас?! – снова заорал Финч, тряся автоматом. Спасённые затряслись с ним в унисон, не подозревая, что обойма разряжена подчистую. Наконец от кучки отделился тощий паренёк с громадными, в пол-лица, глазами. Ещё прежде, чем он заговорил, я понял, что это и есть связист – во всяком случае, с такой внешностью истеричный голосок, верещавший из динамиков, вполне согласовался.

– Одиннадцать, господин солдат, – услужливо пробормотал он и, затравленно оглянувшись, тут же поправился: – То есть двенадцать.

– Двенадцать?! – вопль Финча сотряс своды яруса сильнее, чем гудение, доносившееся со всех сторон – свидетельство того, что жуки роют свои норы, подбираясь к станции. Гудение было не очень громким, хотя, если верить перепуганным поселенцам, усиливалось с каждой минутой. «Интересно, сколько у нас времени», – подумал я, чтобы хоть о чём-то подумать, потому что мысль о том, что мы чуть не отдали души богу и потеряли едва ли не половину своих людей ради того, чтобы вытащить – и не факт ещё, что доволочь до звездолёта – дюжину человек, сводил меня с ума.

– Вы же сказали, вас больше сотни! – надрывался Финч. Мальчишка-связник потупил взгляд.

– Мы боялись, что вы иначе не прилетите... Всё-таки сотня – это не двенадцать...

«Вот тут ты прав, сынок, – отрешённо размышлял я. – И если ещё можно полезть дьяволу в зубы, чтобы спасти сотню человек, то за двенадцатью лично я не полез бы... Чёрт, да и никто

бы не полез. Нас уже погибло больше. Некоторые из ребят использовали свой боевой комплект „удача“ в предыдущей схватке, и на сегодня им ничего не осталось. Да и нам, выжившим, может не хватить на обратный путь».

– Ладно, чёрт с вами, – сказал я. – Где тут связь?

Пока местные занимались ранеными, я связался с Марго и обрисовал ей ситуацию. Капитан, кажется, тоже была взбешена, но попыталась это скрыть. Ну ещё бы, я её понимал. Ей ведь тоже несладко от мысли, что столько её людей погибли, может статься, ни за что. В наше время человеческая жизнь ценна только в массе. Точнее, в удельном весе относительно того, насколько она влияет на политику. Нас не направили бы сюда, если бы не скорые президентские выборы на Земле. Нынешний президент не захотел упускать шанс предстать перед избирателями спасителем, вернувшим с враждебной планеты остатки героических колонизаторов... Только вот он рассчитывал, что вернётся хотя бы одна десятая – это было бы трагично, но всё равно внушительно. А так... на «Титанике» спаслось больше, но кто помнит о героизме матросов «Карпации»? Вообще, глупостью была вся эта затея с переселением. Подробности я, правда, не знаю – только то, что известно всем: на планете обнаружили залежи нефти и климат, сходный с земным. Решили попробовать заселить... Кто ж знал, что всего через месяц подземные твари, чьё гнездо, видимо, потревожили земляне своими буровыми установками, полезут разбираться, кто это к ним пожаловал. И вполне правомерно заявят свои права на эту землю... убирайтесь, дескать, ребятки.

Сейчас я бы много заплатил, чтобы так и сделать. Бешено мотающиеся лапы жуков и их приоткрытые в шипении пасти до сих пор стояли у меня перед глазами.

– Ладно, – сказала Марго. – Вы их неплохо проредили, они сейчас беспокоятся, так что надо подождать.

– Сколько ждать? Тут уже штукатурка на голову сыплется.

– Постараюсь как можно скорее. Будь на связи, Димка.

Она одна меня так называла – не «Дмитрий», как остальные мои англоязычные товарищи по оружию, а так, как, по её мнению, меня величали на родине. В её устах это звучало строго и даже немного торжественно. Я невольно ухмылялся всякий раз, когда слышал такое обращение.

– Буду, только и ты пошевелись, Машенька, – сказал я и отключился.

Теперь и правда оставалось только ждать. Вряд ли больше часа, судя по тому, что шум землероек вокруг и правда нарастал – медленно, но неотвратно. Я развалился в кресле и вытянул ноги, чувствуя, как подрагивают от напряжения мускулы на голеньях.

– Эй, кто-нибудь!

В комнату втиснулся тот самый мальчишка. Видимо, тут он был заправским храбрецом. Ну и народ нынче в переселенцы подбирают, блин. Хотя, вероятно, самые смелые погибли, едва жуки ворвались в колонию. Так всегда бывает – дураки умирают первыми.

– Чай-то у вас тут есть? – спросил я.

– Чай? – мальчишка растерялся. – Кофе есть, растворимый...

– Тащи. – А что бы я только ни отдал за чашку крепкого чая с лимоном! Блин, таким русским становлюсь временами, аж самому противно. Это всё от избытка общения с американцами – перенимаю их стереотипы представлений о нашей психованной нации. Я иногда теперь даже думаю по-английски. Тут я вдруг снова вспомнил, как этот мальчишка нас наколот, и проворчал: – Блин, парень, ну ты сволочь вообще-то, если хочешь знать.

– Простите, господин солдат, – пробормотал пацан. – Нам просто умирать очень не хотелось.

В этом я мог его понять.

Прежде чем пришёл Финч, я окончательно прояснил ситуацию. Рабочие, обслуживающие установку, и прикрывавшие их военные погибли, пытаюсь остановить вторжение жуков в

поселение, бывшее здесь, на F-4191, их домом. Только трое выжили, двое потом умерли от ран, один сейчас находился с поселенцами. Среди них было четыре женщины, все медсёстры – больница колонии находилась к станции ближе всех, и они успели до неё добраться. Что ж, медики нам сейчас и впрямь не помешают. Хорошо хоть детей тут не нашлось – с ними вечно возни не оберёшься. Зато было оружие – и при этом ни одного патрона.

– Жив? – спросил я Финча, когда тот вошёл.

Он энергично помахал забинтованной рукой.

– Это ненадолго, – пообещал я. – Слышишь?

Гул становился всё громче и громче, от него уже закладывало уши – слишком монотонно, слишком равномерно. Будто машина работает, а не живая тварь.

– Марго к нам прорвётся, – сказал Финч.

– А я бы на её месте разворачивался и улетал на хрен.

– Вот поэтому в капитанах у нас Марго, а не ты. Чему я, уж прости, крайне рад.

Я поднял голову, неожиданно задетый серьёзностью его тона.

– Проклятье, Финч, какого чёрта? Я просто не хочу умирать за других!

– Да? – вдруг резко сказал Финч. – А что, если другие тоже не захотят умирать за тебя?

Не думал никогда об этом?

– Не так-то уж часто за меня умирают...

– Уверен? Много ты в этом понимаешь... Дмитрий, так жизнь устроена – мы все держим друг друга на плаву. Точно так же, как все друг друга топим. Тут чистая грамматика – смотря что ты назовёшь первым. Как это говорят... «казнить нельзя помиловать»?

– Финч, избавь меня от этой доморощенной философии. Мы тут по уши в дерьме ради того, чтобы у горстки людей, на которых всем наплевать, появился шанс выжить. Только шанс, мать их, и то если очень повезёт.

– И чего ты в армию полёрся... – протянул Финч. Я пожал плечами.

– Дурак был.

– Оно и видно.

Повисло неловкое молчание, и я был рад, когда его прервал писк сигнала связи. Умница Марго, и правда времени не теряет.

– Ребята, как вы там? Мне надо ещё минут двадцать. Держитесь?

– Пока нету против чего держаться, – ответил я, стараясь не смотреть на Финча. – Но когда будет – не продержимся и минуты.

– А вы постарайтесь, – сказала Марго и отключилась.

«Ну не стерва ли? Так хорошо начала и вот нб тебе...»

В дверь раздался стук. Я с готовностью развернулся к посетителю, подозревая, что ближайšie двадцать минут растянутся на двадцать веков.

В комнату вошла пожилая женщина – одна из тех самых медсестёр. По первому же брошенному на неё взгляду всё моё воодушевление мигом пропало – я видел, что она собирается о чём-то просить. И вряд ли это почётная обязанность побыть шафером на свадьбе её сына.

– Господин солдат, – пробормотала она. («Господи, и чего они нас так по-дурацки называют? Хотя, если задуматься, как ещё?») – Я... не решалась сказать... Вы такой путь проделали и так рисковали, а нас так мало тут и...

– Короче! – рявкнул я.

– Мой сын...

Надо же, я почти угадал!

– Он... внизу, на нижнем ярусе... там дверь заклинило, а мы...

– Ясно всё с вами, – сказал я, поднимаясь. – Чего он полез-то туда?

– Слабоумный он... а я, дура, не уследила...

«Ага, оказывается, у нас теперь слабоумных отправляют колонизировать новые планеты. Ну вообще блеск. А потом ещё удивляются, что всё летит к чертям собачьим».

– Дорогу покажите, – сказал я.

Финч за моей спиной не проронил ни слова.

* * *

Ярусов в бурильне было два, они располагались ступенчато и соединялись между собой стальными стремянками. Свет внизу не горел, и там стояла кромешная тьма. Мамаша дегенерата, за которым я намеревался туда лезть, разумеется, со мной не пошла.

– Там дверь слева, в проёме, – путано объяснила она. – Корки ходил с фонариком, сказал, что дверь заело...

– Корки? – до чего идиотское имя.

– Это юноша, который вышел на связь с вашим кораблём.

«А, тощий пацан. Понятно».

– А вашего сына как зовут?

– Роберт. Только он вряд ли откликнется, если вы его позовёте...

– Понятно, – ответил я. Что ни минута – то хорошие новости. – Отойдите.

Тут было невысоко, я мог бы прыгнуть, но предпочёл не рисковать лишний раз. Прежде чем сойти со стремянки, я посветил вокруг фонарём. У меня был при себе автомат, но в случае чего я разве что мог врезать противнику прикладом. Впрочем, там, внизу, меня не должно было ждать ничего особенного.

Я понимал это, и всё равно почему-то мне кишки сводило от дурного предчувствия.

Дверь не заклинило – просто открывалась она автоматически, а энергообеспечение в этой части бурильни вырубилось. Строили станцию наспех и не на совесть. «Русские, небось», – подумал я и снова мысленно выругал собственный американизированный конформизм. Но как бы то ни было, раздвинуть створки с помощью ножа, а потом и приклада, было делом двух минут. Протиснувшись в образовавшуюся щель, я оказался в небольшом коридоре, в который выходили ещё несколько дверей. При мысли, что мне придется взламывать каждую, я неожиданно ощутил тоску и острое желание выпить.

– Роберт! – обречённо позвал я, ни на что не надеясь, и не поверил в своё счастье, услышав за одной из дверей сдавленное мычание.

Я повесил фонарь на запястье и, разобравшись с означенной дверью, снова позвал:

– Роберт, ты здесь? Иди-ка сюда, малыш.

Ну, малыш – это я сказанул... Малышу на вид было лет тридцать, и в плечах он оказался пошире меня, а я тоже не хлюпик. Он сидел на полу, обхватив голову руками, и смотрел на меня округлившимися от ужаса глазами. Даже свет фонаря не заставил его их прикрыть или хотя бы сощурить. В который раз задаваясь вопросом, что этакий детина делает в числе колонизаторов новых миров, я улыбнулся как можно приветливее и поманил его к себе:

– Иди сюда, сукин сын, мамочка ждёт наверху...

Он моргнул, выражение его глаз вдруг стало доверчивым. Я не хотел входить внутрь, сам не знаю почему, и крикнул:

– Живо зад поднял, засранец, кому говорят!

А вот это был перебор. Детина тут же стусевался и забился глубже в угол, мыча и мотая головой. Тихонько матерясь под нос, я переступил через порог, пытаюсь убедить себя, что тревога – просто дань нервоотрёпке последних часов...

Моя нога ступила в что-то слизкое. Я понял, что вот-вот упаду, и рефлекторно вцепился руками в дверную створку. И одновременно понял, что меня так беспокоит в этом месте.

Тут не было гула. Того самого гула землероек, сверлившего мозги последние полчаса.

Я круто развернулся, высвечивая фонарём комнату.

Проклятье, конечно, эта тварь была здесь. Только совсем маленькая – не больше метра в длину. Сидела на полу, в двух шагах от сжавшегося идиота, – тихо-тихо, будто поджидая. Я сначала подумал даже, что она дохлая. Об этом говорил и тот факт, что парень всё ещё жив. «Надо же, какая удача», – подумал я и вот за эту-то мысль и поплатился, когда шагнул к твари и – на всякий случай – занёс приклад.

Я ударил её, и она брызнула мне в лицо липкой, горячей слизью.

Я заорал, больше от омерзения, чем от боли, но нашёл силы не отступить, а ударить снова, хотя слизь залепила мне глаза, и я почти ничего не видел. Идиот тоже орал, в меру собственных сил – глухо и как будто одобрительно. Я долбил тварь прикладом ещё долго после того, как она перестала дёргаться, и только потом отшвырнул автомат и принялся очищать глаза. Немного пекло, совсем чуть-чуть, как будто мыло попало, но всё равно я был зол, как сто чертей.

Схватив детину за шиворот, я поволок его наверх. Автомат остался внизу, но от него всё равно уже не было проку.

Ни от чего теперь проку нет – всё, ребята, исчерпали вы свой лимит везения.

Я вломился в рубку связиста, волоча идиота за собой, и с порога заорал:

– Связь, быстро!

Финч вскочил, сидевший у динамиков Корки быстро защёлкал клавишами. Я отшвырнул парня и выхватил из рук Корки микрофон.

– Марго! Чёрт тебя подери, где ты? Они уже здесь! Если у нас есть пять минут, то это подарок небес!

– Уже расчищаем, – отчеканила та.

Я круто развернулся к Финчу.

– Собирай этот скот. Я убил жука. Мелкого, но это кранты. Они вот-вот будут здесь.

Этого можно было и не говорить – гул превратился в отчётливый хруст, и я слышал, как прямо над нашими головами одна из этих тварей прогрызает себе путь в земле, уже, должно быть, всего в нескольких сантиметрах от вентиляционной трубы.

Финч медленно кивнул. Он неотрывно смотрел на меня.

Но взгляд Корки испугал меня больше.

– Что? – спросил я.

– Там был... маленький жук? – шёпотом переспросил мальчишка.

У меня вдруг разом ослабли ноги.

– Ну да. Он плюнул в меня какой-то слизью, прежде чем... Проклятье, что?!

Он ответил, но ответа я уже не услышал.

– Что ж, капитан Кальвин, поздравляю вас с удачным завершением операции, – сказал майор Парновиц. Особой радости в его голосе не чувствовалось. Как, наверное, не будет чувствоваться её в голосе генерала, которому отрапортует майор, и в голосе президента, которому отрапортует генерал. Подчистую разрушенная колония, потерянная бурильня, двенадцать спасённых поселенцев, девятнадцать погибших солдат. А может, и все двадцать.

Много бы я дал, чтобы посмотреть на физиономию майора Парновица в эту минуту. Но я не мог.

И если бы это было моей единственной проблемой.

– Возвращайтесь немедленно, – повторил майор и отключился, не дожидаясь ответа.

Все молчали, и сейчас это было особенно неприятно. Никогда бы не подумал, что слух играет столь важную роль в жизни ослепшего человека. То есть знал, конечно, но о таких вещах ведь никогда всерьёз не задумываешься, пока с ними не столкнёшься.

Да, я ослеп. Не сразу – яд, вырабатываемый слюной детёныша жука, действовал постепенно. Первые несколько минут ничего особенного не чувствуешь, только небольшое жжение

в глазах. Потом вдруг теряешь сознание. И просыпаешься уже слепым. Тоже не до конца – можно различить пятна света, размытые контуры. Вскоре начинается лихорадка, которая через несколько часов переходит в бред и кому, за которой следует смерть. Если не достать противоядие. Но мы улетаем с планеты, где его можно найти. Так что...

Так что всё-таки у вас двадцать потерянных бойцов, капитан Кальвин.

Хотя надо отдать девочке должное – орала она на спасённых так, что ей бы и Финч позавидовал. Почему, дескать, вовремя не сказали. А они не подумали. Нет, они сталкивались со случаями отравления слюной жуков, но не сообразили сообщить об этом, потому что в битве детёныши участия не принимали.

Они рыли землю, пока взрослые занимались своими взрослыми делами.

Сейчас Марго готовилась нажать кнопку и выжечь всю эту нечисть на хрен. Но почему-то медлила. Как будто ждала.

– Так что, вы говорите, с этим можно сделать?

Это Стэйлс. Ему любопытно. Новая в земной науке отравка, новый вид противоядия. Исследовательский интерес, только и всего. Я точно знаю. Не стал бы Стэйлс за меня переживать. Он вообще меня недолюбливает.

– Ну, мы заметили, что слюна взрослого жука вроде как помогает, – сбивчиво объясняла одна из спасённых медсестёр – не матушка дегенерата Роберта, втравившего меня в эту дрянь, где она прячется, я понятия не имел.

– Отлично, этого добра у нас навалом.

Ага, они ещё как-то умудрились дохлого жука на корабль притащить – Стэйлс настоял, дескать, надо ему...

– Только к ней нужна ещё одна местная трава, – добавила женщина, – иначе эффект временный, и пациент всё равно умирает.

«Вот я кто теперь – пациент...»

– Что за трава?

– Марго, ты же за ней не пойдёшь, – не выдержав, перебил я. – Бросьте это, ребята. Мне просто не повезло. Выжигайте тут всё и полетели... полетели домой.

Пауза длилась, наверное, минуту. Я сидел, опустив голову. Затылок у меня ломило, спину тоже, голова начинала гудеть, будто вокруг до сих пор копошились землеройки. Видно, подступала обещанная лихорадка.

– Я пойду, – сказал Финч.

– На хрен ты пойдёшь! – расвирепел я. – Ты и без того меня к кораблю волок чёрт знает зачем! Так бы я уже сдох, и сам бы не мучился, и вам головной болью меньше.

– Блин, Димка, какой же ты придурок, – с отвращением сказал Марго и добавила совсем другим тоном: – Вы можете объяснить, как выглядит эта трава?

– Вряд ли, – беспомощно отозвалась медсестра. – Она... как бы совсем обычная... продолговатый стебелёк, тёмно-зелёный, саблевидный...

– Я сниму пласт дёрна и приволоку сюда, – перебил Финч.

– Она не везде растёт...

– Ребята, – с некоторым трудом сказал я, – вы меня извините, но... пока я ещё могу говорить. Я хочу сказать... прекратите испытывать судьбу. Ясно вам? Эти тубики с удачей... с жидкой такой... сладкой... Мы их все выжрали. До основания. И вылизали изнутри... два раза...

Повисло недоумённое молчание. Воодушевившись, я продолжал:

– Там же только по одному тубику на человека, вы не знаете разве? Так положено. А мы свои отдали переселенцам, и оно стало такое... ну, не стерильное...

Кажется, я говорил что-то ещё, когда почувствовал, что меня поднимают и несут куда-то. Но не помню, что.

Убойные антибиотики Стэйлса действовали даже на чужеродный белок, и мне немножко полегчало. По крайней мере я прекратил нести чушь и даже очнулся. Было приятно полежать в белом и чистом лазарете после недавней кровавой бани, но удовольствие оставалось весьма относительным. Что лазарет белый, я знал – перед глазами было сплошное светлое пятно.

– Стэйлс, я умру? – глупо спросил я.

– Не знаю, – ответил тот. Спокойно и почти безразлично. Ну ещё бы – что я, первый, что ли.

– Мы уже летим?

– Никуда мы не летим. Финч с тем парнем пошли вниз, за травой этой...

– Что?! – этот бессмысленный выкрик остался без внимания, и я добавил: – С каким ещё парнем?

– Не знаю, кажется, венгр. Я не понял, что он там лопотал. Его вообще никто не понимает. Говорят, он раньше болтал по-английски, но в поселении у него вся семья погибла, и он теперь только на своём языке талдычит.

– Его что, Марго назначила?

– Сам вызвался.

Я уже вообще ничего не понимал.

– Почему? Какого чёрта? Зачем ему?..

– Ты, я вижу, чувствуешь себя намного лучше, – отрезал Стэйлс.

Чувствовал я себя прехреново, о чём ему и сообщил.

– Тогда заткнись, – посоветовал наш бортовой Эскулап. – Руку выпрями, я тебе ещё укол сделаю.

Я чувствовал, как в кожу входит игла, и пытался понять, что происходит. Получалось не очень.

– А Финч? – вдруг спросил я. – Зачем он это делает?

Стэйлс вытащил иглу из моей вены и сказал:

– Дмитрий, я давно хотел тебя спросить. Почему ты так не любишь людей?

– Что? – несмотря на общее паршивое состояние, я приподнялся от удивления.

– Да ничего, – сказал Стэйлс. – Спи. А перед сном помолись, чтобы этим двоим повезло. Тебе сейчас нужна их удача.

«Да уж, подумал я, наблюдая, как медленно гаснет светлое пятно, становясь чёрным. – Если повезёт им, повезёт и мне. Везение – штука неуправляемая, но и в ней есть свои закономерности... А жизнь – это просто плата за каждый предоставленный шанс, который то и дело кажется последним».

На самом деле удачу действительно выдают десанникам в алюминиевых тубиках. Это чтобы можно было не использовать всю за раз, а выдавливать понемножку. Чтобы всегда оставалось ещё чуть-чуть, на чёрный день. Просто не все умеют ею правильно пользоваться.

Финч умел пользоваться своей квотой. Хотел бы я знать, много ли её там осталось, на дне.

Я пропустил момент, когда они вернулись – к тому времени с бредом не могли справиться даже антибиотики Стэйлса. Противоядие подействовало очень быстро – уже через полчаса лихорадка спала, а ещё через час я начал различать окружающих. Мне хотелось видеть этого венгра, который ходил за моим спасением с Финчем, но Стэйлс сказал, что парень сейчас не в том состоянии – они выбрали луг, казавшийся безопасным, но в последний момент откуда-то появилась эта тварь и успел отхватить венгру руку от плеча, прежде чем Финч съёс ей башку. Стэйлс сказал, что венгр выживет, но мне уже расхотелось с ним общаться. В конце концов, какая разница, что им двигало? Жуки убили всех его родных, может, он тоже смерти искал? Или замаливал так одному ему известные грехи? Или, может, просто хотел отплатить хоть как-

то за то, что мы спасли его жизнь? Или ещё какая хрень... Не важно. Он не был десантником, и ему, видимо, не полагалась дежурная порция везения.

Я надеялся, что мы улетим с этой проклятой планеты немедленно, но Марго сказала, что денёк ещё придётся повисеть на орбите – поступил приказ обследовать поверхность и доложить о поведении жуков. Но тех не было видно – они ушли под землю и больше не поднимались наверх. Оно и понятно – их цель достигнута, они выжили нас со своей земли. Не самая лучшая новость для близящейся президентской кампании, но если это плата за то, что мы живы – я был готов лично послать президента куда подальше. На английском, чтобы лучше понял.

Следующим утром мне уже стало намного лучше, я почти пришёл в норму. Поселенцев не видел – их поместили где-то в пассажирском отсеке, и они боялись показываться нам на глаза. Стэйлс велел мне лежать, но я не мог и не хотел, так что просто шлялся по кораблю, пока не притащился в капитанскую рубку.

Марго плохо выглядела. Мне показалось, что она постарела. Насколько я знал, ей ещё не приходилось терять столько людей за такой короткий срок. И могу спорить, ей хотелось убрать отсюда ко всем чертям не меньше, чем мне.

Я взглянул через её плечо в панорамный иллюминатор. Под нами в голубоватой дымке медленно плыли ярко-зелёные луга. Я смотрел на них и удивлялся тому, до чего же это красиво, и тому, что раньше я никогда этого не замечал. На земле ведь точно такие же луга.

Может, я даже сказал бы об этом Марго, но тут истошно заверещал динамик передатчика внешней связи. Марго вскинула на меня удивлённый, беспомощный взгляд. Я ответил ей таким же.

– Там же никого не осталось... – начал я, и Марго с силой ударила по клавише.

– Приём! Говорите!

– Приём! – вырвался из динамиков захлёбывающийся крик. – Приём! Кто-нибудь слышит меня?! Приём! SOS!

Вторая станция. В десяти километрах от первой. Недостроенная, заброшенная ещё на первом этапе колонизации. Там кто-то есть. Бог знает, как они туда попали. Бог знает, сколько их там. Бог знает, как им удалось прорваться к нам именно теперь, когда мы почти собрались улетать. И только Бог знает, сколько ещё осталось удачи на дне тюбика в моём индивидуальном наборе. И долго ли мне ещё расплачиваться за чужое невероятное везение.

– Сколько там жуков? – спросил я.

– Сам смотри, – сказала Марго и снова ударила по клавише. Я взглянул на резко увеличившуюся картинку. Кивнул.

– Дуй туда.

Она обернулась. И посмотрела на меня – так, как раньше смотрела только на Стэйлса. Я, кажется, знаю, что она хотела сказать. Что я был прав, и что мы выполнили то, зачем сюда прилетели, и что ей надоело посылать своих людей на бойню...

Но вместо этого она проговорила:

– Димка, ты что? Ты же только...

– Прекрати меня так называть, – оборвал её я. – Ты понятия не имеешь, как это правильно произносится. Звучит просто по-идиотски.

Она умолкла. Ещё мгновение смотрела на меня. Потом развернулась к управлению, закричала в микрофон:

– Сигнал принят! Как меня слышно? Помощь близко! Сколько вас?

Только бы они продержались.

Эй, Господи, слышишь, мне нужно только немного удачи для этих ребят.

А заплачу я за неё как-нибудь потом.

Идёт?

Суицид не средство

Если вы спросите меня о нанотехнологиях, я вряд ли смогу прочесть вам двухчасовую лекцию на тему. Больше того: если бы мне, гуманитарию до мозга костей, сказали, что я напишу об этом целых два рассказа, да ещё в течение двух дней – я бы в жизни не поверила. Но чего не сделаешь ради пресловутой «Грелки». Тем более когда тему задаёт не кто-нибудь, а сам Роберт Шекли. Я даже и не думала, что справлюсь с такой задачей. Но тут на помощь пришли кодекс Бусидо, с одной стороны, и призрак Фрэнка Херберта – с другой... Спросите, при чём тут нанотехнологии? Да ни при чём, наверное. На самом деле рассказы получились вовсе не о них. Я всё-таки предпочла писать о том, что знаю. Хотя в сюжетах рассказов «Суицид не средство» и «Киберджейн» нанотехнологии присутствуют (точно-точно!). Просто мне, как всегда, интереснее не технологии, а люди.

– Готов?

– Готов.

Паузы перед ответом не было, и я с лёгким сердцем нажал на курок. Странно, я даже не предполагал, что это окажется так просто. Выстрел прозвучал почти неслышно. Я стрелял через прозрачную пластиковую перегородку, и всё равно Артемьеву снесло полголовы. Кровь брызнула на пластик. Я положил пистолет на столик. Почему-то я ждал, что от дула будет тянуться струйка дыма, но так ведь только в старых фильмах бывает, и то не всегда.

Я принял контрастный душ, переоделся, то и дело поглядывая на часы. Время ещё оставалось, и я немного покрутился перед зеркалом, пользуясь тем, что меня никто не видит. Новенький костюм от Юдашкина сидел на мне как влитой. Просто потрясающий костюм, синий металл, галстук на полтона светлее, мучительно белоснежная рубашка. «Так вот хоть прямо в гроб», – жизнерадостно подумал я. За стенкой не раздавалось ни звука. Или ещё не убирали, или они работают так же, как стреляет их оружие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.